

СЭЙКИ УМЕЕТ ДЕЛАТЬ КНИГИ,
ОТ КОТОРЫХ НЕ ОТОРВАТЬСЯ.

Гиллиан ФЛИНН,
автор бестселлера «ИСЧЕЗНУВШАЯ»

МАРКУС СЭЙКИ
ОДАРЕННЫЕ

КНИГА 3

ОГНЕННЫЕ ПИСЬМЕНА

The Big Book

Маркус Сэйки

Огненные письма

«Азбука-Аттикус»

2016

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Сэйки М.

Огненные письма / М. Сэйки — «Азбука-Аттикус»,
2016 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-12194-2

После того как жители Новой Земли Обетованной, защищаясь от нападения, уничтожили Белый дом вместе с президентом, война между сверходаренными и обычными людьми кажется неизбежной. И хотя боевые действия еще не ведутся, добровольцы, подогреваемые жаждой мести, собираются в многотысячные армии. Харизматичный аномальный террорист Джон Смит использует это обстоятельство в своих целях. Скрываясь от властей, он готовит грандиозную операцию. Бывший федеральный агент, охотник на злодеев Ник Купер идет по его следу, чтобы предотвратить катастрофу и совершить возмездие. А в это время в Нью-Йорке ученый Эйб Каузен уже испытал на себе сыворотку, способную превращать обычных людей в сверходаренных. Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-12194-2

© Сэйки М., 2016
© Азбука-Аттикус, 2016

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	46
Глава 9	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Маркус Сэйки

Огненные письма

Посвящается Джоссу, так ярко горящему

*Кто говорит, мир от огня
Погибнет, кто – от льда.
А что касается меня,
Я за огонь стою всегда.*

Роберт Фрост. Огонь и лед. Перевод М. Зенкевича

© Г. Крылов, перевод, 2016

© В. Аникин, иллюстрация на обложке, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

® Издательство АЗБУКА

Наверное, то же самое чувствует бог.

Мне достаточно одного взгляда на вытянутую руку, чтобы узнать число волосяных фолликул на ее тыльной стороне. Я могу различать и количественно оценивать темные андрогенные волоски и едва заметные пушковые волосы.

«Пушок» по-латыни vellus. Я вызываю в памяти страницу из «Анатомии Грея»¹, откуда узнал это латинское слово, – и вижу изображение фолликула. Кроме того, я помню текстуру и переплетение волокон бумаги. Направленный на нее слабый свет настольной лампы. Запах сандалового дерева от девушки, сидящей через три стула от меня. Я помню все подробности с идеальной четкостью, хотя эпизод абсолютно пустячный, ничем не примечательный. Тем не менее он запечатлелся в каких-то мозговых клетках моего гиппокампа, как и все другие мгновения жизни. Я по своему желанию могу активизировать нейроны и перемещаться во времени, оживляя тот день во всей полноте чувств.

Один из многих незначительных дней в Гарварде тридцать восемь лет назад.

Если говорить точнее, то тридцать восемь лет, четыре месяца, пятнадцать часов, пять минут и сорок две секунды назад. Сорок три. Сорок четыре.

Я опускаю руку и чувствую, как удлиняется и сжимается каждая отдельная мышца.

Мир несется на меня.

Манхэттен, угол 42-й и Лексингтон. Шум машин и строительных работ, бредущая толпа, холодный декабрьский воздух, на несколько секунд – когда отворяется дверь кафе – рулады Бинга Кросби, поющего «Silver Bells»², вонь автомобильных выхлопов, фалафель³ и мочи. Ощущения, бьющие через край, чистые, ошеломляющие.

Словно ты спустился по лестнице, на которой нет последней ступени, и оказался не на твердом полу, а провалился в пустоту.

Словно ты сидел на стуле, а потом понял, что это кабина истребителя, несущегося с тройной скоростью звука.

Словно ты поднял лежащую шляпу и обнаружил под ней отрубленную голову.

¹ «Анатомия Грея» – популярный учебник по анатомии человека. Впервые был издан в Великобритании под названием «Анатомия Грея: описательная и хирургическая теория» в 1858 г. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Гарри Лиллис «Бинг» Кросби (1903–1977) – популярный американский актер и певец. «Silver Bells» («Серебряные колокольчики») – рождественский хит Кросби.

³ Фалафель – арабское блюдо, жареные шарики из измельченного нута или бобов, приправленные пряностями.

Паника иссушает мою кожу, паника охватывает мое тело. Моя эндокринная система впрыскивает адреналин в кровь, зрачки расширяются, сфинктер сжимается, пальцы складываются в кулаки...

Контроль.

Баланс.

Дыхание.

Мантра: «Ты доктор Эйбрахам Каузен. Ты первый в истории человечества стер границу между обычными людьми и аномальными. Твоя сыворотка не кодирующих РНК радикально изменила твою экспрессию генов. Ты был гением по любым меркам, а теперь стал чем-то большим.

Ты сверходаренный».

Люди проходят мимо меня, а я стою на углу и вижу вектор каждого. Могу предсказать мгновения, когда они пересекутся, споткнутся, когда замедлят шаг, когда у них зачесется локоть. Если захочу, то смогу свести все к линиям перемещения и силы, создать интерактивную карту, на которой словно переплету нити ткани.

Какой-то человек толкает меня, и я не отказываю себе в удовольствии – тут же во всех подробностях представляю, как ломаю ему шею: одной ладонью упираюсь в его подбородок, другой хватаю за волосы, выставляю вперед ногу для устойчивости и делаю резкое вращательное движение от бедра, чтобы амплитуда была максимальной.

Я оставляю его живым.

Мимо проходит женщина, и я узнаю ее тайны по сутулым плечам, по локонам, которые ниспадают ей на лицо и мешают периферийному зрению, по тому, как мечутся ее глаза при звуке клаксона такси, по мешковатому жакету, безымянному пальцу без кольца и разношенным туфлям. На брючине у нее волоски шерсти трех разных котов, и я представляю себе квартиру, в которой она живет одна, в нескольких остановках электрички от Бруклина, хотя, вероятно, и не в шикарном районе. Я вижу, что в детстве она подверглась насилию (со стороны дядюшки или друга семьи, но не отца), сделавшему ее затворницей. Некоторая бледность и дрожащие руки свидетельствуют о том, что она выпивает по вечерам – скорее всего, вино, судя по зубам. Стрижка говорит о ее доходах – не менее шестидесяти тысяч долларов в год, а сумочка определяет максимальный предел в восемьдесят тысяч. Работает где-то в офисе, где ее контакты с людьми сведены к минимуму. Работа связана с цифрами. Возможно, бухгалтерия крупной корпорации.

Наверное, так воспринимает мир бог.

И тут я замечаю две вещи. Во-первых, из носа у меня идет кровь. И во-вторых, за мной наблюдают.

Это проявляется покалыванием того рода, который дураки определяют понятием «коллективное бессознательное». На самом же деле органы восприятия просто собирают индикаторы, однако их обработки в лобной доле мозга не происходит: дрожание тени, частичное отражение в стекле, почти, но не совсем неощутимое тепло и звук другого тела в помещении.

Я же могу легко исследовать первоначальный возбудитель, сфокусироваться на нем – так наводят резкость в микроскопе. Я вызываю мою чувственную память последних мгновений, структуру толпы, запах людей, движение машин. Линии силы рассказывают мне всю историю, как рябь на воде сообщает о подводном камне. Я не ошибаюсь.

Их много, они вооружены. Они идут за мной.

Я кручу головой, щелкаю пальцами.

Вот будет занятно.

Глава 1

Время их поджимало, но Купер все равно не мог оторвать глаз.

Веревка как веревка – обычный синтетический ярко-желтый шнур, какой используют для закрепления брезента. Необычным было другое: веревочная петля, привязанная к фонарному столбу на Манхэттене.

Необычным было и то, что на веревке висело тело.

Ему было лет семнадцать. Стройный симпатичный паренек, со строгими чертами лица, в униформе «Макдоналдса». Поперек его желтой рубашки убийцы краской написали: «ВЫБЕРТ». Значит, схватили не просто первого попавшегося. Линчевали соседи, коллеги, может, даже друзья. В какой-то момент с его ноги свалилась кроссовка. Купер не мог отвести взгляд от тонкого белого носка, такого незащищенного на декабрьском ветру.

– Господи Иисусе, – выдохнул Итан Парк.

Они вместе совершали пробежку, пока не натолкнулись на толпу, собравшуюся вокруг тела.

Прошло две недели с того дня, когда в пустыне Вайоминга собственным оружием самоуничтожились семьдесят пять тысяч солдат – следствие действия вируса, созданного и внедренного аномальными. Человечество никогда не относилось хорошо к вещам исключительным. А еще меньше ему нравилось, когда исключительность давала отпор.

«Совсем мальчишка», – подумал Купер.

Над ними нависало свинцовое небо, чреватое снегом, и тело медленно крутилось на ветру. Потертая кроссовка, ужас белого носка, потерянная кроссовка.

– Господи Иисусе, – повторил Итан, – никогда не думал, что придется увидеть такое.

«Вот то, что я всю жизнь боялся увидеть... поэтому и делал все то, что делал: преследовал таких же, как я, действовал под прикрытием в качестве террориста, убил столько людей, что и подсчитать не могу. Получил удар ножом в сердце. Видел, как мою дочь поместили для академии, видел сына в коме.

И тем не менее я не смог предотвратить это».

– Идем.

– Но...

– Быстро.

Не дожидаясь ответа, Купер возобновил бег. За пять минут после видеовызова они преодолели половину манхэттенской мили. Неплохо, но и не слишком хорошо. Неплохо, потому что от доктора Эйбрахама Каузена их отделяло всего несколько кварталов.

Десять утра, холодно, ветер гуляет по проспекту между краснокирпичными зданиями и баррикадами из строительных материалов. Пешеходы, которых обгонял Купер, несли стаканчики с кофе и сумочки, посматривали на часы или говорили по телефону. Но, на его взгляд, ими всеми владела нервная неуверенность заложников, которым приказали вести себя нормально. К витрине магазина была приклеена газета, на всю страницу которой – фотография руин того, что когда-то было Белым домом. Мраморные колонны разбросаны, как игрушки, вокруг эпицентра взрыва, а сверху надпись: «НЕ ЗАБУДЕМ НИКОГДА!»

«Не проблема», – подумал Купер и побежал на другую сторону Третьей авеню, игнорируя автомобильные гудки.

Наводка пришла от Валери Вест, его бывшей коллеги по ДАР – Департаменту анализа и реагирования. Шепотом, будто боясь, что ее подслушают, она сообщила, что несколько камер наблюдения зафиксировали Каузена.

– Стоит там, словно решил подышать воздухом. Идиот!

Купер согласился с такой оценкой. Доктор Каузен меньше всего походил на человека, способного предотвратить полномасштабную войну. Все ужасы прошедшего года – академии, в которых промывают мозги сверходаренным детям, взлет Джона Смита и террористического движения, закон о микрочипировании аномальных, разорение трех городов, гибель солдат, атаковавших Новую Землю Обетованную, – были всего лишь симптомами. Корень зла следовало искать в неравенстве между нормальными и сверходаренными.

Эйб Каузен и Итан Парк нашли способ ликвидировать это неравенство. Им удалось воссоздать сверходаренность. В ходе лабораторных экспериментов они обнаружили, как наделять обычных людей даром. Когда их открытие станет достоянием гласности, исчезнет и повод для войны. У большинства отпадет необходимость страшиться способностей крохотного меньшинства, а следовательно, и меньшинство сможет перестать бояться гнева масс. И не будет причин сжигать мир.

Вот только Эйбрахам Каузен не стал делиться их открытием, а собрал вещички и исчез. И в мире занялся пожар.

«Может быть, еще не поздно. Если успеть добраться до него первым».

Прибавив скорость, Купер преодолел расстояние до угла и повернул на юг. Итан, тяжело дыша, бежал сзади. Валери оказала им огромную услугу, но те же самые записи с камер наблюдения, которые насторожили ее, могли попасться на глаза и другим сотрудникам Департамента анализа и реагирования, не говоря уже о кротах в ДАР, которые работали на Новую Землю Обетованную, а то и хуже – на террористическую организацию Джона Смита. Вне сомнения, на углу Сорок второй и Лексингтон-авеню собиралась теневая армия.

При сложившихся обстоятельствах не оставалось времени разработать хоть что-то подобное плану. Одни намерения: сначала найти Каузена, а потом только надеяться, что Итан сумеет убедить своего прежнего шефа подчиниться здравому смыслу. Если убедить не удастся, то запасной вариант состоял в том, чтобы вырубить Каузена и похитить. В центре Манхэттена такое зрелище должно выглядеть довольно забавно.

На Лексингтон в этом месте было пять полос в южном направлении, сплошная движущаяся масса такси и автобусов. Купер промчался мимо «Дьюан Рид»⁴, протиснулся между двумя туристами с камерами, выпрыгнул на улицу и отпрянул назад, чтобы избежать столкновения со стайкой школьников. На тротуарах было много народа, а потому от Купера требовалось все его внимание, чтобы точно рассчитать движения. Его дар давал ему огромные преимущества в схватке один на один, но в толпе был бесполезен. Купер одновременно пытался предвидеть намерения каждого отдельного человека. Он скрежетал зубами и продолжал проталкиваться сквозь людской поток, пока неожиданно не оказался в свободном пространстве.

Слишком неожиданно. И слишком поздно.

В пяти метрах он увидел беспокойное сборище. В центре стоял, ссутулив худые плечи, мужчина с дергаными птичьими повадками. Доктор Эйбрахам Каузен, несмотря на все свои научные достижения, напоминал сумасшедшего бездомного, орущего на банкоматы.

У четырех человек, окруживших его, плечи были широкие. Эти люди смотрели на Каузена с напряженным вниманием. Костюмы на них были приличные, но не от-кутюр и скроены так, чтобы не выпячивалась наплечная кобура. Полевые агенты. И – сюрприз-сюрприз – среди них Бобби Куин, старый напарник Купера. А значит, Департамент анализа и реагирования здесь его опередил. Ненамного, но жизнь может измениться за...

«Сделать открытие Каузена достоянием гласности – вот последняя надежда предотвратить войну.

Убедить Бобби Куина, возможно, и удастся, но не исключено, что он здесь не по собственной инициативе.

⁴ «Дьюан Рид шикорпореитед» – сеть аптек и мини-маркетов в Нью-Йорке.

И что тогда? Напасть на агентов ДАР, в том числе и на своего друга?
Они сейчас поглощены арестом Каузена. Если ты...
Черт побери!»

...считанные секунды.

Все случилось слишком быстро – Купер такой скорости в жизни не видел. Только что частота пульса доктора составляла семьдесят пять ударов в минуту (чуть повышенная, но объяснимая при таких обстоятельствах), а через мгновение она подпрыгнула до ста пятидесяти.

Купер хотел было выкрикнуть предупреждение, но даже начать не успел, как ученый выставил по два пальца каждой руки и вонзил их в глаза двух агентов, а затем, чуть ли не одновременно, нанес рубящие удары ребром ладоней по трахеям двух других и дважды ударил коленом в пах Бобби Куина. Схватка закончилась, едва успев начаться. Агенты попадали со стонами, хватая ртами воздух.

Эйб Каузен глубоко вздохнул. Пальцы его дрожали, из одной ноздри капала кровь. Тем не менее Купер ощущал в нем спокойствие. Каким-то образом, свалив четырех вооруженных профессионалов меньше чем за пару секунд, ученый сумел сохранить хладнокровие.

Но только до тех пор, пока не приковылял Итан и не остановился рядом с Купером. Стоило Каузену увидеть своего недавнего протеже, как поток эмоций захлестнул его – на его лице, сменяясь в быстрой последовательности, промелькнули радость, недоумение, подозрение, гнев.

– Вы с ними? – спросил он.

– Что? – тяжело дыша, проговорил Итан. – Нет, я... дело в том... он...

– Я сам по себе, доктор Каузен. – Купер раздвинул руки, держа их ниже пояса. – Но я здесь, чтобы помочь вам.

Мир вокруг них медленно осознавал то, что сейчас произошло у всех на глазах. Большинство народа поспешило прочь, но несколько человек подошли поближе, чтобы увидеть, как события будут развиваться дальше. Где-то охнула женщина. Купер ни на что не обращал внимания, он не сводил глаз с Каузена. Он не был чтецом, не умел по телесному языку узнавать тайные намерения. Но мысли Эйба вовсе не были тайными: он взвешивал, не прикончить ли ему их. Всех: агентов, Купера, даже Итана. Ясный и холодный, как нож, расчет, подкрепленный уверенностью. Он не сомневался, что сможет сделать это.

Но Эйб лишь развернулся и побежал.

Он спрыгнул на проезжую часть, и тут же заголосили клаксоны, завизжали покрышки. Таксист резко затормозил, его желтую машину занесло, и она врезалась в «хонду» в соседнем ряду. Эйб даже не замедлил бега, пронесся в каком-то шаге мимо автомобилей, столкнувшихся по его вине. Купер пустился следом, но из невыгодного положения, и когда достиг противоположного тротуара, между ним и преследуемым было уже метров тридцать. Он бросился в погоню, не отрывая взгляда от спины Каузена, протискиваясь сквозь прохожих, которых стало неожиданно много, целый поток людей появился из...

Черт. «Гранд Централ»⁵. Эйб ринулся в дверь, уронив на землю женщину. Когда подбежал Купер, она поднималась со словами: «Ты что, совсем рехнулся? Вот псих» – и снова упала, опрокинутая налетевшим на нее Купером. Он пронесся по вестибюлю, вдоль витрин с выставленными в них планшетниками, мимо рекламы новой линейки костюмов от Люси Вероники, а оттуда – в потную прохладу главного зала.

И здесь его оглушило эхо тысячи голосов. Громкоговоритель натужно упрашивал: «Граждане! Мест в поезде Гудзоновской линии в северном направлении больше нет. Повторяю: мест в поезде Гудзоновской линии в северном направлении больше нет. Пожалуйста, пожалуйста, перестаньте напирать...» Все, казалось, пытались покинуть Манхэттен. Под звездным куполом

⁵ Имеется в виду станция метро, сообщающаяся с одноименным вокзалом.

основного зала очереди за билетами превратились в беспорядочные оравы. Их едва сдерживали облаченные в форму солдаты со штурмовыми винтовками на ремне. Информационный щит сообщал, что все билеты на отходящие поезда проданы. Но призыв диктора к гражданам, с билетами или нет, не напирать на платформы, звучал как глас вопиющего в пустыне. Толпа стала неуправляемой – она выла, пульсировала, воняла, все толкались и кричали, повесив на плечи сумки, прижимая к себе детей.

Толпу не любит никто, а Купер ее просто ненавидел. В толпе у него начиналось головокружение, в толпе он чувствовал себя потерянным. Среди людской массы его дар никогда не подчинялся ему, воспринимая импульсы и намерения всех одновременно. Попробуйте-ка сосредоточиться, когда собака воет, ребенок плачет, телефон звонит, радио орет. Только в данном случае ему приходилось иметь дело разом с тысячами собак, детей, телефонов и радиоприемников.

Он перевел дыхание, сжал и разжал кулаки. У стены стояла урна для мусора, и он забрался на нее, принялся оглядывать лица, сортировать их, пытаясь отыскать иголку в стоге сена. Солдат поблизости крикнул ему, чтобы он слез, но Купер, проигнорировав его, продолжил буравить глазами толпу...

И увидел его. Эйб кинул взгляд через плечо – оторвался ли он от преследователей, и Куперу удалось засечь его мелькнувшее лицо. Несмотря на толпу, ученый смог в два раза увеличить дистанцию между ними.

Невероятно. Масса людей представляла собой живую стену, они стояли плечом к плечу. Никто не мог просочиться между ними.

Не совсем так. Шеннон смогла бы.

Купер еще до того, как узнал ее имя, еще до того, как они спасли друг друга, до того, как стали любовниками, называл ее Девушка, Которая Проходит Сквозь Стены. Шеннон воспринимала людей как векторы, предвидела, когда вдруг появится брешь, могла предсказать места, которых другие будут избегать, чувствовала, когда люди столкнутся и замедлят всех вокруг. Она называла это способностью «перекидываться», и если Купер ненавидел толпы, то она в них чувствовала себя как рыба в воде, могла перемещаться свободно и невидимо.

Точно так же двигался и Каузен.

Ученый пристроился за падающим человеком, перетек, словно ртуть, через образовавшуюся пустоту, повернулся налево, остановился полностью, пока каким-то чудесным образом не возник просвет между двумя пихающимися женщинами. Он протискивался, подныривал под руки охранников, продвигался к дальней кромке хаоса.

Купер смотрел на него в поисках...

«Если ты не можешь его поймать, то хотя бы должен предугадать, куда он направляется.

Билеты на поезда из города распроданы, но подземка может доставить его почти куда угодно.

В городе сотни мест, где можно надежно спрятаться, в особенности когда кругом царит хаос.

Он за считанные секунды снес четырех агентов, но от тебя убегает.

Понял».

...решения. Купер спрыгнул с урны и двинулся туда, откуда пришел. Выбравшись из главного зала, он увидел, что толпа тут пожиже, и без труда выскочил на улицу, где чуть не столкнулся с Итаном, который сказал:

– Вы...

Купер мотнул головой и побежал на запад, а потом на север по Вандербилт-авеню. Если он правильно оценил ситуацию, то Эйб принял его за агента ДАР, ведь они с Итаном появились как раз в тот момент, когда Бобби Куин пытался его арестовать. Он, вероятно, предположил, что Купер – подкрепление. Возможно, один из многих.

Эйб Каузен был гением. Если он скрывался от ДАР, значит понимал: мобильность – залог успеха. Спрячешься – и департамент переключит «Гранд Централ», просмотрит записи с вокзальных камер наблюдения, обыщет, если нужно, все помещения. Блокирует метро, остановит поезд, в котором он находится, и его вагон превратится в клетку. Уложишь одного агента – на его месте появится другой. Нет, если Купер был прав, Эйб как можно скорее попытается снова выбраться на улицу, а ближайший выход...

Да, именно там, где сейчас и появился ученый.

– Как я и говорил... – улыбнулся Купер, сделав шаг ему навстречу.

– Вот он! Человек с пистолетом! – завопил побледневший Эйб, показывая на него пальцем.

Купер понял, что это спектакль для солдат, которые вышли следом за Эйбом. Их было трое – молодые, взвинченные, пальцы на спусковых крючках штурмовых винтовок.

Потребовалось всего тридцать секунд, чтобы он с помощью своего старого жетона агента ДАР разрешил ситуацию.

Но к тому времени Эйбрахам Каузен уже исчез.

Глава 2

– Не понимаю, – сказал Итан чуть ли не в десятый раз. Они ехали в такси – не ехали, плелись в западном направлении.

– Неужели Эйб уложил столько народа? – изумлялся Итан.

– А вы что думаете – они поскользнулись на банановой кожуре?

– Я решил, что это сделали вы. Там ведь были агенты ДАР? Эйбу за шестьдесят. И он отнюдь не ниндзя.

Купер фыркнул. Для него убегающие люди не были в диковинку (по большей части, когда он их преследовал, они и пускались наутек), но на сей раз дела обстояли иначе. Купер ошибся в расчетах, а ставки были слишком высоки. Он вспомнил то мгновение, когда увидел, что частота пульса доктора буквально за секунду увеличилась вдвое.

«Управление эндокринной системой для изменения собственного уровня адреналина. Вероятно, и норэпинефрина для концентрации, а может быть, даже кортизола и окситоцина. При достаточном количестве этих веществ любой превратится в ниндзя».

– Черт побери, мы должны были догадаться! – воскликнул он.

– Догадаться о чем? Купер, что происходит?

– Ваш приятель исчез и превратился в сверходаренного.

– Что?

– Тот маленький проект, которым вы вдвоем занимались, магическое зелье, способное обращать нормальных в аномальных. Он, видимо, его и выпил.

Челюсть у Итана отвисла. Несколько секунд он сидел молча, устремив взгляд в никуда.

– Невероятно, – наконец произнес он, и его лицо расплылось в улыбке. – Это действует. Понимаете, данные лабораторных исследований были просто сногшибательные, я в них и не сомневался, но мы не прошли стадии клинических испытаний.

– Похоже, Эйб не стал дожидаться результатов, – заметил Купер.

– Что вы можете сказать о симптомах? Мне важно знать, какие физические ощущения у него возникают. Как проявляется его дар? Вы не заметили никаких...

– Док!

– Да, извините, – рассмеялся прерванный на полуслове Итан. – Я просто... у меня случился оргазм в его научной разновидности.

– Попробуйте глубоко дышать, – вздохнул Купер и потер глаза. – Вот что я могу вам сказать: его дар отличается многогранностью.

– Вы имеете в виду сопутствующие способности?

– Нет. Я говорю о том, что он в равной мере владеет многими способностями.

– Это невозможно. Ну, то есть у детей – безусловно. Именно поэтому тест Трефферта – Дауна применяется только после восьми лет. А до восьми сверхталанты представляют собой никак не регулируемые наклонности, которые проявляются в выявлении закономерностей то математически, то пространственно. Но по мере развития мозга...

– Вы меня не слышите, – отвернулся от окна Купер. – Я видел, как частота пульса Эйба удвоилась. Мгновенно. Значит, он управляет своей эндокринной системой.

– Ну и что? Приблизительно у тринадцати процентов сверходаренных наблюдается способность в той или иной мере управлять эндокринной системой.

– У двенадцати и двух десятых процента. Но вот что еще важнее. Он уложил четырех агентов. Вы что думаете, они не подготовлены к столкновению со сверходаренными, которые съехали с катушек? К тому же один из них был Бобби Куин. Я знаю, вы с ним не в ладах, но можете мне поверить: он лучший. Тут дело не только в управлении гормонами. А вот если Эйб

наделен способностью физиолингвистики, то он, вероятно, сумел прочесть их телесный язык и предпринять ряд действий, основанных на их стойках.

– Такие способности могут сосуществовать, – сказал Итан. – Ваше моделирование базируется не только на физических симптомах. У вас обостренная интуиция.

– Но Эйб в «Гранд Централ» «перекидывался», как Шеннон. Он предвидел движения людей в толпе.

– Может быть, просто обнаружил проход?

– Не было там никакого прохода. Там даже вздохнуть было невозможно. А он шел, практически не снижая скорости. Он двигался и намечал пути отступления. Это все равно что решать квадратное уравнение и одновременно бежать марафонскую дистанцию.

Итан помолчал несколько секунд.

– Если вы правы...

– Именно так, – выдохнул Купер. – Я прав. И дело не только в том, что он наделен многими способностями, но и в их силе. У меня первый уровень, и я на тридцать лет моложе его. Но после того, что я видел сегодня утром, думаю, я бы не смог с ним совладать. А это означает, что, как ни посмотри, у доктора Эйбрахама Каузена нулевой уровень. И мне бы хотелось знать, откуда он у него появился.

Итан задумался:

– Мне нужно немного поразмыслить.

– Размышляйте.

За окном проплывал город. Тот самый Нью-Йорк, в котором Купер бывал бесчисленное число раз. Но и совсем не тот же самый. Во всем чувствовалось тревожное напряжение, нервная дерготня. Америка способна выдержать удар, но в прошлом году на нее обрушилось множество сильнейших ударов. Взрыв в здании Новой фондовой биржи в марте, приведший более чем к тысяче смертей. Захват аномальными террористами городов Талса, Фресно и Кливленд, последний из которых сгорел дотла в ходе начавшихся беспорядков. Разрушение Белого дома и уничтожение семидесяти пяти тысяч солдат. И это не говоря об эрозии социального порядка: потрясение финансовых рынков, развал базовых служб, растущее недоверие к правительству, все более ожесточенный трайбализм.

Америка была способна вынести более чем один удар, но она пребывала в нокдауне, и свидетельства тому встречались повсюду. На перекрестках валялись пакеты с мусором, их черный пластик расходился по швам. Частные охранные структуры, вооруженные автоматическим оружием, охраняли роскошные апартаменты. Билборды рекламировали Мэдисон-сквер-гарден⁶ как «Приют для тех, кто чувствует угрозу». Ряды зданий словно смотрели на них глазами окон, и Купер не сразу понял, что во многих из них нет стекол. Квартал, где прежде находились предприятия малого бизнеса, сгорел, стекла были выбиты, кирпичи почернели, внутри остались покрытые гарью руины. Граффити на покореженной откатной двери гласило: «МЫ ЛУЧШЕ, ЧЕМ КАЖЕМСЯ».

Купер вспомнил мелькание белого носка и задумался.

– Ну хорошо, – сказал Итан. – Но это только теория. Без каких-либо точных данных я не могу быть уверен.

– Ну, рискните.

– Ученые три десятилетия искали генетическую основу сверходаренных. Найти ее они не смогли, потому что ее там – в генетическом коде – не было. Наш прорыв состоял в том, что мы обнаружили эпигенетическую основу. Вот почему ответ так долго не давался – эпигенетика занимается экспрессией не самих генов, а ДНК. ДНК представляет собой сумму исходных составляющих, но из одних и тех же ингредиентов можно приготовить совершенно разные

⁶ Мэдисон-сквер-гарден – спортивный комплекс в Нью-Йорке, игровая площадка хоккейных и баскетбольных команд.

блюда, а в человеческой ДНК двадцать одна тысяча генов. Целая куча составляющих. Трудность состоит в том, чтобы обнаружить конкретную причину. Эйб называл это теорией трех картофелин.

– Да, вы мне рассказывали, – кивнул Купер. – Если причина появления одаренностей состояла в съедании трех картофелин подряд, то обнаружить такую причину нелегко, потому что мир велик. Но когда ты знаешь причину, то съесть три картофелины проще простого.

– Но тут есть одно «но». Природа хаотична. Эволюция представляет собой цепь случайных ошибок – мутаций, – которые позволяют победить в естественном отборе и начинают передаваться по наследству. Но вместе с ними передается и немало всякого мусора, который был когда-то ступенькой, а теперь превратился в балласт. Хотя вы и находите три картофелины, они имеют довольно уродливый вид. У них множество бугорков, неправильная форма. Мы же сделали нечто иное. Мы создали нашу сыворотку методом обратной инженерии, разработали генную теорию со строго определенными целями.

– Вы создали идеальную картофелину, – понял Купер. – Платоновский идеал картофелины.

– Это всего лишь мое предположение, – пожал плечами Итан.

– Но если вы правы, то Эйб не просто одаренный. Он являет собой образец максимальной сверходаренности. Может двигаться, как Шеннон, думать, как Эрик Эпштейн, планировать, как Джон Смит.

– Я... возможно.

Купер сделал глубокий вдох. Выдохнул.

– Что ж, тогда нам нужно поскорее его найти.

Нужный им дом располагался в Адской кухне⁷ и представлял собой пятиэтажку без лифта. Улица была застроена домами из красного кирпича и засажена поникшими деревьями.

Когда они подошли к подъезду, Итан сказал:

– Я не знаю, кем этот парень приходится Эйбу. Не пустышку ли тянем?

– Если, кроме пустышки, у вас ничего нет, то тяните пустышку. Пока не придумаете чего-нибудь другого.

– Эйб очень замкнутый, – покачал головой Итан. – Я бы сказал, параноидально замкнутый. Винсент Лус – единственный человек из его личной жизни, о котором он упоминал.

Дверь подъезда оказалась заперта. Купер нашел нужную фамилию в списке жильцов и нажал кнопку вызова. Ответа не последовало.

«Что ж, всегда можно разбить стекло локтем, потом выломать внутреннюю дверь. Правда, шумновато. Или же можно...»

Итан Парк подошел к щитку и одновременно нажал пять кнопок. Через секунду раздался голос:

– Слушаю?

Нажав кнопку обратной связи, Итан сказал:

– Ю-пи-эс⁸. Вам посылка.

– Вы шутите? Неужели так быстро...

Раздался звук зуммера и щелчок отпираемого затвора.

– Какой смысл в замке, если его может открыть любой безликий голос? – удивился Купер.

– Манхэттенский фактор, – ответил Итан. – Вы устанавливаете на дверь квартиры три защелки и цепочку, а потом вас начинает грызть одиночество. Я ведь когда-то жил здесь, помните? Посылка – не совсем чтобы приход друга, но лучше, чем ничего.

⁷ *Адская кухня* – район Манхэттена, также известный как Клинтон. Свое название район получил из-за высокого уровня преступности с середины 1800-х до конца 1980-х годов.

⁸ *United Parcel Service* – одна из курьерских почтовых служб в США.

Они миновали щит с почтовыми ящиками, вышли к лестнице. На полпути им встретился человек, спешащий вниз, – явно встречать курьера Ю-пи-эс.

На пятом этаже горела тусклая лампочка, на полу лежал обшарпанный коврик. Одна из дверей висела полуоткрытой на разбитом дверном косяке.

– Черт!

Купер жестом показал Итану, чтобы тот встал за его спиной. Распахнув дверь, он увидел типичную манхэттенскую комнату: здесь, если у тебя длинные руки, ты вполне можешь приготовить обед, не вставая с дивана. На стенах приятных оттенков когда-то в аккуратных рамках висели музыкальные постеры. Когда-то.

Теперь пол был усыпан битым стеклом и щепками. Сквозь порезы в диване торчала набивка. Содержимое полок было скинуто на пол, ящики вывернуты, занавески сорваны. Пианино повалено. Абажур лампы проткнут скрипичным смычком. Под ногами Купера хрустели всевозможные обломки.

– Боже мой, – проговорил Итан. – Вы думаете, это сделал Эйб?

Купер медленно развернулся, оценивая ситуацию. Разбитые тарелки, порванные занавески, расколотое зеркало. Он подошел к дивану и присел на корточки. Ткань воняла мочой. На подушке – кровавое пятно, довольно большое, но сконцентрированное в одном месте, словно человек, истекая кровью, лежал неподвижно.

«Или же его могли держать. Заставляли смотреть».

– Вот ведь идиот, – раздался голос. – Тебе же было сказано не приходить...

В дверях стоял широкогрудый парниша в джемпере с логотипом «Янкиз»⁹. За ним – еще двое: один такой же вкрадчиво-благобразный, другой пониже, но коренастее.

– А вы кто? – спросил «Янкиз».

Купер поднялся, демонстративно обвел взглядом разгромленную комнату и вперился в его лицо. Увидел бегающие глаза, легкий румянец, возрастающую частоту пульса и сразу все понял. Заставил себя улыбнуться.

– Все в порядке. – Он показал свой значок. – Мы ищем Винсента Луса. Вы его знаете?

– Винсента? – нахмурился вошедший. – Думал, знаю. Играл тут все время на пианино. Странная такая музыка, может, даже красивая. Но тут выясняется, что он аномальный. А он никогда и словом об этом не обмолвился. Жил тут и никому ничего не говорил.

– Откуда вы знаете?

– Стены тонкие. Они тут с каким-то стариканом орали друг на друга. Ну, старик ему и сказал, ты, мол, выверт, а Винсент пытался его утихомирить. Типа ему важно, чтобы никто не узнал.

Купер кивнул, вытащил из кармана планшетник, развернул его движением кисти, вызвал на экран фотографию Эйбрахама Каузена.

– Он?

– Да, он.

– Ясно. Слушайте меня. Я здесь не из-за взломанной двери или разбитой посуды. Мы здесь все обычные люди, так?

«Янкиз» кивнул.

– Дальше. Вы – сосед, и стены здесь тонкие. Думаю, вы, вероятно, слышали, что тут происходит.

Человек, взглянув на него, чуть улыбнулся:

– Понял вас. Конечно.

– Расскажите мне о драке, которая тут случилась.

– Я бы не назвал это дракой, – усмехнулся «Янкиз».

⁹ «Нью-Йорк янкиз» – профессиональный бейсбольный клуб.

– Они, значит, вышибли дверь Винсента, – сказал Купер. – Сломали ему нос. Держали его, пока все тут не переколошматили. Что потом?

– Мы... один из них предупредил его, чтобы он исчез и никогда сюда не возвращался.

– Вы думаете, он ушел?

– Когда закончили, – «Янкиз» почесал в паху, изобразил, будто вытащил шланг, – он все понял.

Внезапно воспоминания нахлынули на Купера. Туалетная комната, белый фарфор, забрызганный алым. Глаза у него подбиты, нос на сторону, два пальца сломаны, селезенка порвана. Ему двенадцать, Калифорния, одна из военных командировок отца. Над ним стоит громила со всей своей шайкой.

Худшая ситуация, в какой только можно оказаться: жертва, распростерт на полу, побит, смотрит снизу вверх на тех, кто смотрит на него сверху вниз и смеется.

Он неторопливо кивнул:

– Вы мне очень помогли.

– Не стоит благодарности. Надеюсь, вы найдете вашего фрика.

Купер дождался, когда они двинутся к двери, и сказал:

– Да, кстати, я соврал.

– Чё?

– Мы не совсем обычные. – Он распрямил плечи, встряхнул руками. – Вы втроем унизили и избили одного одаренного. Посмотрим, получится ли это у вас еще раз.

Купер дал им время осознать услышанное и, улыбаясь, обернулся к Итану:

– Док, окажите услугу, а? Закройте дверь.

– ...и мы вернулись, мне не нужно надеяться на то, что вы остались с нами, я и так знаю – остались, потому что здесь вы находите истину. Не либеральные сопли, какие можно услышать во всяких дурацких сетях, а достоверную инфу. Истину в квадрате, неприкрытую и неприкрашенную, мы на всю территорию от побережья до побережья транслируем только достоверную информацию. Готовьтесь сделать большой глоток, потому что сегодня утром зажигает Эль Свифто.

Две недели прошло со времени трагических событий 1 декабря, когда враг проник в самое сердце нашей страны и использовал против нас наше же оружие.

И Америка ответила... да ни хера она не ответила, и это еще мягко говоря, друзья мои, но то выражение, что у меня на языке, не одобряется на радио.

Эта страна была основана людьми действия. Людьми, имевшими представление о будущем и силу, людьми, которые не боялись никаких трудностей. Вот Америка, которую я люблю. И в той Америке мы бы уже обрушили ад на Вайоминг. Мы бы уже шарахнули по Новой Земле Обетованной из всех стволов, а голову Эрика Эпштейна насадили на копье. Мы бы вернули весь этот сброд, всех трусов и извращенцев в Каменный век.

Но наши политики вместо действий заламывают руки и болтают, болтают, болтают. Кучку бюрократов – вот что мы имеем вместо правительства. Не лидеров, не командиров, не строителей мира. Испуганных мальчиков и девочек без ящ, неспособных к действию.

Вот такая у нас сегодня Америка, друзья. Вот такой американский кошмар.

А теперь перейдем к телефонным звонкам. Дейв из Флинта, рад, что вы дозвонились.

– Из Свифта, сэр. Слушал вас с огромным удовольствием. Спасибо, что говорите нам правду.

– Я всего лишь исполняю мой долг, Дэйв.

– Я вот что хотел бы узнать. Скажите, что могут сделать простые люди? Я согласен со всем, что вы говорите. Я готов действовать, чтобы как-то разрешить ситуацию с аномальными, но я не знаю, что мне делать.

– Позвольте мне прояснить кое-что. Левая пресса любит обвинять меня в расизме. Они называют меня нетерпимым, паникером. Они швыряются такими обвинениями в любого патриота, который осмеливается поднять голову.

Но они не заставят меня замолчать – я буду и дальше говорить правду, а правда состоит в том, что Новая Земля Обетованная в Вайоминге – та самая, что уничтожила наших солдат, убила нашего президента и разрушила правительственные здания, – это шайка аномальных. Город, основанный аномальными, финансируемый аномальными, управляемый аномальными.

«Дети Дарвина», которые заморили голодом три города, а один сожгли дотла, – тоже группа аномальных.

Джон Смит – я прекрасно знаю: либералы говорят, будто его подставили, но вы сами слышали вести у себя в Свифте: Джон Смит – террорист – аномальный.

Некоторые говорят, что не все аномальные – зло. Может быть. Но мы живем в военное время, и если не каждый аномальный – враг, то все наши враги – аномальные.

Если есть среди них порядочные, патриотически настроенные, готовые постоять за свою страну, за нашу страну, вашу, Дэйв, и мою, то я говорю: отлично, они – мои братья.

Но я убежден, что мы имеем девяносто девять порядочных, честных, нормальных людей на одного мозгана, – она, ФКС¹⁰ надает мне за такие речи по шапке, – и пора нам вспомнить об этом. Но наше правительство слишком слабо, слишком мягкотело, слишком завязло в трудностях, слишком разжирело на свинине и ни на что не способно... Что ж, может быть, пришло время нам самим решиться на что-нибудь.

Спасибо за звонок, Дэйв. Наш следующий слушатель – Анна-Мари из Лаббока, штат Техас...

¹⁰ Федеральная комиссия по связи – правительственное агентство в США, ведущее наблюдение за эфиром.

Глава 3

– Входите, сэр, – сказал помощник. – Могу я...

Жуткий вой циркулярной пилы заставил его замолчать.

Когда звук смолк, помощник продолжил:

– Могу я предложить вам...

И снова завизжала пила, врезаясь в дерево. Как только наступила тишина, он опять открыл рот, собираясь попробовать еще раз.

– Мне ничего не надо, – упредил его министр обороны Оуэн Лиги.

Он встал и прошел в помещение, которое прежде было кабинетом спикера.

Там из-за тяжелого деревянного стола ему кивнула Габриэла Рамирес, подняла палец и продолжила говорить по телефону:

– Я понимаю. Да. Я пытаюсь сейчас оказать вам помощь. – Пауза. – Видите ли, губернатор, вероятно, если бы вы объявили чрезвычайное положение с началом атаки «Детей Дарвина», вы бы не оказались теперь в такой ситуации. Да. Пожалуйста.

Она вытащила наушник и швырнула его на стол.

– Госпожа президент, – обратился к ней Лиги.

– Оуэн, извините за шум.

Из коридора доносился стук пневматического молотка – тук, тук, тук, – лишь чуть приглушенный дверями.

– Вы сказали, – добавила она, – что кабинет спикера будет вполне безопасным местом, но Секретная служба с вами не согласна.

В тысяча девятьсот сорок седьмом году конгресс США установил последовательность из семнадцати должностей для замещения поста президента. Однако в течение многих десятилетий после этого если и возникала потребность замещать президента, то дальше вице-президента дело не заходило. А теперь на протяжении трех месяцев сначала один президент был подвергнут импичменту, потом убит его преемник, и теперь президентом Соединенных Штатов стала Габриэла Рамирес, спикер палаты представителей.

– Считаю, Секретная служба права, – сказал Лиги. – Вам следует переехать в Кэмп-Дэвид.

– Америка должна знать, что правительство продолжает функционировать.

– Америке необходимо, чтобы вы остались живой.

– Что вы думаете о тех животных в пустыне?

– Seriously, мадам, Кэмп-Дэвид – настоящая крепость...

– Штат Вайоминг, близ Ролинса. Сегодня утром на брифинге по безопасности сообщалось, что там собралось около двух тысяч.

– Около пяти тысяч, – уточнил Лиги. – И каждый день прибывают новые. Они нанимают автобусы, приезжают в пикапах с винтовочными стеллажами сзади. Их лагерь в полутора километрах от огражденного периметра Новой Земли Обетованной. Ситуация еще больше ухудшилась после того, как по трехмерному каналу передали сюжет оттуда. Это все равно что реклама.

– И все гражданские?

– Ответ зависит от того, что вы имеете в виду. Они сервайвалисты¹¹, крайне правые – что-то в таком роде. Многие из них бывшие солдаты. Они никак не организованы. Просто отчаянные головы, действующие по своему усмотрению. Они пьют пиво и выкрикивают оскорбления в адрес аномальных. Стреляют в воздух.

– И у вас это не вызывает озабоченности? – спросила Рамирес.

¹¹ Сервайвализм (выживание) – движение, объединяющее людей, которые активно готовятся к выживанию в случае стихийных бедствий, техногенных катастроф, войны.

– Я бы так не сказал.

– А что бы вы сказали?

– Что я не контролирую ситуацию.

– Отлично. Не возражаете, если мы пойдем прогуляться и поговорим? У меня проблема с Конгрессом производственных профсоюзов.

Габриэла Рамирес встала, сняла темно-серый жакет со спинки стула, надела его и поинтересовалась:

– Как обстоят дела с растехнологизацией армии?

– В соответствии с графиком. После первого декабря все ядерные боеголовки переведены на безопасное хранение. К сегодняшнему утру все ракеты наземного базирования уже деактивированы. Те, что находятся на...

– Прошу прощения. Вот вы говорите «деактивированы», а Эрик Эпштейн не может их активировать?

– Нет, мадам.

– Вы уверены? Его компьютерный вирус проник в ракету, которая уничтожила Белый дом, но никто даже не предполагал, что такое возможно.

Лиги подавил позыв заскрежетать зубами и сказал:

– Они были физически деактивированы. Это все равно что вытащить свечи зажигания из машины. Тут ни один компьютер уже ничего не сможет сделать.

Президент отхлебнула последний глоток кофе, поставила кружку на стол и двинулась к выходу. Лиги придержал для нее дверь.

– Джофф, я вышла прогуляться, – сообщила Рамирес своему помощнику.

В коридоре эхом отдавались от полированного мрамора строительные шумы. В воздухе висели опилки. Перед президентом заняли свои места два агента Секретной службы. Еще два пристроились сзади.

– Что с морскими судами? – спросила она.

– Артиллерия дальнего действия на кораблях и подлодках блокирована, что делает нас уязвимыми по отношению к внешнему противнику...

– ВВС?

Лиги вздохнул и ответил:

– Все полеты, кроме особо важных, отменены, а те самолеты, что в воздухе, не имеют вооружения. Во всей армии сообщения рассылаются строго по закрытым сетям, навигация с компьютерной поддержкой и система обеспечения транспортных средств переведены в офлайн, новейшие технологии выброшены в помойное ведро... Послушайте, мадам, мой персонал подготовил подробный отчет, но если говорить коротко, то мы близки к возвращению на уровень тысяча девятьсот десятого года.

– Оуэн, вы держите руку на пульсе? – скосила на него взгляд Рамирес. – Говорите начистоту.

– Я министр обороны Соединенных Штатов. Я всю жизнь работал на укрепление американской военной мощи, и мне претит разрушать ее теперь.

– Понимаю, – сказала она. – Но первого декабря по каким-то ему одному известным причинам Эрик Эпштейн ограничил свою атаку Белым домом и солдатами, угрожавшими Новой Земле Обетованной. Его компьютерный вирус уничтожил более восьмидесяти тысяч человек, но мог бы убить и десять миллионов. Эпштейн достиг полного операционного контроля. Он мог бы уничтожить нашу армию и наши города нашим же собственным оружием. По его заявлению, он не сделал этого исключительно потому, что действовал в целях самообороны. Но я не хочу давать ему повод для изменения позиции.

«Действовал в целях самообороны, – повторил про себя Лиги. – Она не знает, но на самом деле он реагировал на мой приказ атаковать. Мой незаконный приказ».

С тысяча девятьсот восемьдесят шестого года, когда было обнаружено существование аномальных, Америка шла к открытому конфликту. Сверходаренные оказались просто слишком сильны. Хотя они и составляли всего один процент населения, но явно превосходили остальные девяносто девять. Полубоги в мире смертных. Если дать им свободу действий, то обычные американцы стали бы не нужны. Или превратились бы в рабов.

Лиги вместе с несколькими единомышленниками, настроенными так же, как он, принимал действия по ограничению возможностей сверходаренных. В обществе сеялись недоверие и страх. Для того чтобы снизить потенциал аномальных, создавались специальные академии. А после того как Джон Смит взорвал здание биржи, убив более тысячи человек, появился законопроект, по которому все сверходаренные в Америке подлежали микрочипированию. В те месяцы, что предшествовали атаке первого декабря, Лиги полагал, что они контролируют ситуацию. Они почти держали руку на пульсе.

Но тут раскрылась роль президента Уокера в их плане, его подвергли импичменту и предали суду. Вице-президент, будучи хорошим человеком, оказался слабаком для такого большого кресла. И вообще, его выпустили на сцену только из электоральных соображений. Террористические атаки продолжали сотрясать Америку, а отдельная группа мозганов, известная как «Дети Дарвина», инициировала действия, которые привели к блокаде трех городов, и тогда президент Клэй струсил и заколебался. Он был готов пойти на уступки, согласиться с существованием Новой Земли Обетованной, анклава аномальных Эрика Эпштейна.

Выбора не оставалось – только прибегнуть к силе. И потому Лиги приказал атаковать НЗО.

Решение он принимал не один. Своей карьерой он был обязан Теренсу Митчаму, официально третьему лицу в Агентстве национальной безопасности. Ему он всю жизнь хранил преданность. На самом деле Митчам был главой их теневого правительства, трезвым патриотом, который давно понял, что для защиты страны требуются жесткие действия. К несчастью, во время ракетного удара Митчам находился в Белом доме.

«Еще одна жертва в войне, признавать которую страна начала только теперь», – подумал Лиги.

– Самооборона или нет, – сказал он, – но, когда мы успешно закончим растехнологизацию и переведем армию на штыки и сапоги, нам придется атаковать.

– Я не принимала такого решения.

– Мадам президент, общество...

– Я знаю, все одержимы жадой мести. Но в какой-то момент мы можем встать на опасный путь. Должны существовать и другие решения, кроме геноцида.

Они вышли из Лонгуорта¹² на Саут-Кэпитол-стрит. Секретная служба аннексировала эту узкую улицу и поставила тяжелые ворота и блокпосты по ее концам. Въезд сюда разрешался только президентскому кортежу – сегодня помимо лимузина в него входили четыре бронированных кадиллака «эскалейд» и шесть мотоциклов. Утро стояло холодное, автомобильный выхлоп окрашивался голубоватым парком, по низкому небу катились облака.

– Согласен, – сказал Лиги. – Я вовсе не хочу уничтожить сверходаренных. Но мы должны ликвидировать Новую Землю Обетованную и провести в жизнь законодательную инициативу по надзору за перемещением аномальных. Подпишите документ, сделайте его законом, и мы за три месяца чипируем девяносто пять процентов аномальных. Я понимаю: это может показаться старомодным, но действовать будет.

– А если они не подчинятся? А если предпочтут умереть в бою?

– В таком случае...

Взрыв, сопровождаемый звуковой и ударной волной, подбросил его в воздух.

¹² Лонгуорт – одно из трех зданий конгресса США, расположено к югу от Капитолия.

Закружившееся небо, серый мрамор – и бетон, летящий ему навстречу. Лиги падал, падал. Он успел выставить перед собой руки, перед тем как удариться о мостовую. В ушах его визгливый гул перешел в бесконечный крик, а вокруг дым и огонь, тела и люди на подгибающихся ногах, истекающие кровью, агент, уставившаяся на свое левое плечо, которое больше не продолжалось рукой, ее лицо, освещенное горящими останками лимузина.

Лиги охнул, закашлялся, увидел, как брызги крови выхаркались из его рта вместе с кусками мяса – он откусил себе кончик языка. И вот этот кусочек его плоти лежал теперь на бетоне.

Сильные руки подхватили министра, подняли, а он принялся отбиваться, выставил перед собой локоть, который тут же был заблокирован, а сам он обездвижен – два человека потащили его, а он пытался сказать агентам, чтобы они подождали, что ему надо взять кусок его языка, но тут перед ним оказался один из «эскалейдов», он увидел прижимающихся к капоту агентов с пистолетами, они стреляли, но он почти не слышал выстрелов, они целились в разных направлениях, – это был не просто взрыв бомбы, а целая атака, – потом агенты засунули его во внедорожник, где он столкнулся с кем-то – с президентом, – и они оба упали, переплетаясь телами, дверь захлопнулась, кто-то сильно ударил по ней, и, прежде чем он или Рамирес успели пошевелиться, водитель нажал педаль газа и машина сорвалась с места, а их прижало к спинке заднего сиденья. Снова звуки выстрелов, теперь он слышал их четче, быстрая череда хлопков, потом хруст, сопровождаемый вибрациями, их снова резко швырнуло в сторону – «эскалейд» задел что-то, – ад за окном, лимузин и, наконец, резкое ускорение: водитель миновал опасную зону.

Лиги посмотрел вниз и понял, что лежит на президенте. Начал было двигаться, но остановился, закрыл тело Рамирес своим, улегся на ней, как любовник. Их лица разделяли считанные сантиметры. Он видел ее расширенные зрачки, порванную щеку, ощущал запах дыма и духов, а его рот наполнялся кровью, и машина набирала скорость. Водитель сказал что-то, но в ушах у Лиги стоял гул, и он не разобрал слов. К тому же ему мешала неотвязная мысль, настойчивый голос снова и снова повторял в его голове: ты сам во всем виноват.

Глава 4

Лук Хаммонд проснулся с беззвучным криком.

Кричал он оттого, что видел, как его сыновья сгорают заживо.

Джошуа сгорал в небе – его «Виверна» развалилась на части, топливо взорвалось яркой вспышкой, попало ему в легкие, обожгло изнутри, а он падал и падал, бесконечно. Зак горел в танке, запутавшись среди покореженного металла, горели его волосы, кожа шла пузырями, а густой черный, удушающий дым заволакивал мир полимерной вонью.

Стоило Луку в последние две недели закрыть глаза, как он видел их смерть.

Тишина. Сорок лет службы, которая началась в РДД – разведгруппе дальнего действия во Вьетнаме. РДД означала, что ты на задании вдали от своих, и потому Лук в девятнадцать лет научился просыпаться в полной готовности и сознании, а те, кто просыпался с туманом в голове, умирали.

С белого вайомингского неба светило худосочное солнце. Оно находилось далеко – почти в ста пятидесяти миллионах километров отсюда, а поскольку его сыновья умерли, это число, казалось, обрело какое-то значение. Не сами цифры, а расстояние, в том смысле, в каком самое важное в жизни может навсегда оставаться недостижимым.

– Он приехал, – доложил солдат.

Лук сел, оперся спиной о раму кровати в своем пикапе. Декабрь, прохладно, но хоть снега, слава богу, немного. Он ушел в отставку два года назад, однако, просыпаясь, так же проводил оперативную оценку ситуации, как и в годы службы, хотя все чаще оперативная сводка имела такой вид: ВРЕМЯ 03.17, ПОБУДКА ВСЛЕДСТВИЕ ОСТРОЙ НУЖДЫ ПОМОЧИТЬСЯ.

Сегодня и все последнее время.

Оперативная сводка: красивые мальчики, которые бежали к тебе, широко раскинув руки, с криком: «Папа! Папа!», теперь мертвы. Их не защитили ни долгие солнечные часы катания на качелях, ни перекись водорода, которой дезинфицировали их ободранные коленки. Те мгновения, когда они засыпали у тебя на руках и ты, уставший до изнеможения, оставался на месте, потому что знал: такую мимолетную сладость нужно пить полной чашей, – те мгновения не защитили их. Ты тысячу раз говорил им о своей любви, но это их не спасло.

Твои сыновья мертвы. Сгорели заживо. Они теперь от тебя на расстоянии ста пятидесяти миллионов километров.

От тебя остались только твои пятьдесят девять лет. Живот, ровный, как доска, и ноги, закаленные бесчисленными походами. Ты спал на холодной металлической кровати в своем грузовичке в восьми километрах от транзитного городка Ролинса, штат Вайоминг. Среди тысяч получивших такие же раны мужчин и женщин, собравшихся здесь с целью, которую ни один из них не может толком назвать.

– Он здесь.

Лук скинул с себя одеяла, вылез из машины и спросил у солдата, который его разбудил:

– Они продолжают прибывать?

– Да, сэр. И их больше, чем обычно.

Он кивнул. Набрал полные легкие холодного воздуха – «легкие Джошуа сгорели в огне при тысяче градусов» – и пошел на встречу со своим прежним начальником.

Обветренное лицо генерал-майора в отставке Самюэля Миллера вызывало у Луки ассоциации с ковбоями, но с этого ковбойского лица смотрели смекалистые глаза горожанина, которые взвешивали, измеряли и упорядочивали мир. Полевая форма со знаками различия (две звезды в середине груди) шла ему гораздо больше, чем спортивные брюки и рубашка поло, которые были на нем во время их прошлой встречи.

– Лук, – сказал генерал, пожимая ему руку и затем обнимая, – прими мои соболезнования. Джош и Зак были хорошими ребятами. Хорошими солдатами.

– Спасибо.

Старый друг внимательно посмотрел на него:

– Как ты держишься?

– Не знаю, что тебе ответить.

– Дурацкий вопрос, – вздохнул генерал. – Извини.

– Давай-ка я тебе тут все покажу.

Они забрались в его пикап. Салон был безукоризненным, как и тело Лука, который раньше гордился такими вещами. Думал, что это важно.

Лук включил обогреватель и тронулся с места, сухая земля захрустела под колесами.

– Сейчас здесь больше восьми тысяч, и с каждым часом прибывают новые.

Лагерь был разбит беспорядочно – люди ставили палатки в том месте, где остановились. Сбившись в неплотные группки, они опирались спинами на машины и разговаривали или грели руки над чадящими кострами. У большинства висели винтовки на плечах или кобуры на поясах.

Они проехали мимо клуба байкеров, где под точно выверенными углами были припаркованы пятьдесят мотоциклов, крутые парни попивали «Будвайзер» рядом с растущей горой помятых жестянок. Байкеры кивнули Луку, и он им в ответ.

– Ты тут уже успел завести знакомства, – заметил генерал.

– Да, когда узнал, что ты собираешься приехать. Готовил почву.

– И что они собой представляют?

– У каждого своя история, но все они похожи.

Лук провел для генерала общую экскурсию, чтобы тот через частности увидел целое.

Виджиланты¹³ из Мичигана в зеленой камуфляжной форме, резко контрастирующей с коричневым кустарником, проводили учения. Автобус, на котором они приехали, прежде был школьным, но теперь на нем красовалось название: «НОВЫЕ СЫНОВЬЯ СВОБОДЫ» – буквами высотой в полтора метра, каждая в когтях клекочущего орла.

Горящий костер, кучка реднеков¹⁴, изводящая за день запас топлива, которого хватило бы на неделю. «Криденс»¹⁵, оружие, как сейчас, благим матом, некогда были причиной чуть ли не всех ДТП в Америке.

Мужчина разбирал калаш, а женщина курила и смотрела.

Группа солдат, удравшая в самоволку, но все еще облаченная в форму, громко хохотала – Лук узнал их смех. Такой называется смех сквозь слезы.

– Это просто сброд, – сказал генерал Миллер.

– Так оно и есть. Но прибывают все новые и новые. Им только нужен полководец. – Лук развернул машину. – Покажу тебе кое-что еще.

Пять минут езды мимо палаток, и они оказались на северной окраине лагеря. Дальше шла лишь скалистая пустыня и серое небо... и в полутора километрах от них ограда высотой в шесть метров с колючей проволокой наверху. Граница Новой Земли Обетованной. Двадцать три тысячи квадратных миль, двадцать четыре процента территории штата Вайоминг, целиком принадлежащие Эрику Эпштейну, который превратил эту землю в подобие Израиля для аномальных.

Лук заглушил двигатель и спросил:

¹³ Виджиланты – отдельные люди или группы, целью которых является преследование в обход правовых процедур лиц, обвиняемых в настоящих или вымышленных преступлениях.

¹⁴ Реднеки (англ. rednecks – красношеие) – просторечное название белых фермеров, жителей сельской глубинки, приблизительно соответствует русскому «деревенщина».

¹⁵ «Криденс клируотер ривайвал» – популярная американская рок-группа, образованная в 1967 году.

– Когда видишь своими глазами, смотрится по-другому, правда?

Теперь, при выключенном двигателе, они слышали вой ветра, низкий скорбный свист, словно доносящийся издалека.

– Не хочу оскорблять тебя словами о том, что сыновей тебе не вернуть, – сказал Миллер. – Но мне нужно знать, единственная ли это причина.

– Зачем?

– Если единственная, то и она вполне основательная, но я хочу большей ясности.

Лук уставился в окно. Он щелкал суставами на левой руке, палец за пальцем. Закончив, повернул голову направо и объяснил:

– На прошлой неделе я проснулся на своем диване. А предыдущим вечером напился, думал так прогнать мои сны. Но, как выяснилось, к моим кошмарам лишь добавилось похмелье. Я заснул с включенным телевизором, а когда проснулся, шла какая-то утренняя воскресная программа. Одно из ток-шоу с участием всяких умников. И вот я увидел того паренька. Аккуратная стрижка, яркая рубашка, «ролекс». Он говорил, что, наверное, имеет смысл позволить Новой Земле Обетованной отделиться. Предоставить им независимость и жить дальше.

На мгновение Лук вернулся в свои сны: голова раскалывалась, словно в тисках, во рту помойка, крики Зака снова зазвенели у него в ушах, а теперь еще и тот парень по телевизору.

– На меня накатила какая-то волна, – продолжил он. – Не злость, не ненависть. Печаль. Мне стало жалко того паренька, готового отказаться от всего, и я подумал: наверно, таких, как он, много. А потом я помню, что оказался в своем грузовичке и приехал сюда – стою смотрю на этот забор. И я оказался не один.

Он повернулся к своему прежнему начальнику.

– Одолевают ли меня ярость? Конечно. Хочу ли я отомстить? Да, черт побери. Но не только. Земля там, за забором, – американская земля. Я всю жизнь защищал Америку. Я не готов позволить Эрику Эпштейну уничтожить ее, и не важно, сколько у него миллиардов и какая часть Вайоминга ему принадлежит.

Генерал Миллер долго молчал. Просто смотрел на пустыню, на забор умными, оценивающими глазами. Потом сказал:

– Хороший ответ.

Здесь играл Элвис.

Здесь играли «Лед Зеппелин».

Здесь играли «Роллинг стоунз».

Теперь настала очередь ваших рок-звезд.

Вы хотите, чтобы они жили в безопасности. В наши беспокойные времена разве плохо было бы иметь место, где ваша семья будет защищена, где о ней будут заботиться? Место, где вы сможете сбросить с плеч груз забот и задуматься о важном.

Мы все надеемся на лучшее. Но если ваш близкий человек – из числа одаренных и чувствует опасность, то настало время найти ПРИЮТ.

ПРИЮТ

в Мэдисон-сквер-гарден

Глава 5

Лицо Натали заполнило экран.

– Черт побери, – сказала она, – надеялась, что застану тебя. Мм. Слушай, тут кое-кто хочет сказать тебе «привет».

Купер уже три раза просмотрел эту видеозапись, и все равно грудь его наполнялась радостью, когда камера, смещаясь, послала разноцветную вспышку на его экран, а потом изображение сфокусировалось и он увидел улыбающееся лицо Тодда.

– Привет, па!

Его мальчик, его десятилетний красавец-сын, не только живой, но и в сознании, на больничной кровати, с дурной стрижкой после операции.

– Дела у меня идут хорошо, – объявил Тодд. – Боли почти нет. Доктора говорят, я могу бегать и даже играть в футбол.

– Они сказали, «скоро сможешь», детка...

– А мама сказала, что ты его прикончил! Просто обалдеть, па. – Сын прикусил губу. – Извини, путался у тебя под ногами. Только помешал.

«Нет, Тодд, дружище, ничего ты не помешал. Ты десятилетний мальчишка, который пытался защитить отца от чудовища. Ты мне ничуть не помешал, напротив...»

– Тут все очень милые, но я скучаю по дому. Надеюсь, мы вскоре сможем вернуться. Я тебя люблю!

Камера переместилась снова на Натали. Его бывшая жена выглядела усталой.

– Здесь все в порядке. Эрик к нам хорошо относится. Он организовал этот звонок... я думаю, линии связи... Ну, в общем, мы в безопасности.

Она перевела дыхание, и он понял все то, что она хочет сказать, но не может. Отчасти по соображениям приватности: его семья все еще находилась в Новой Земле Обетованной и связь наверняка мониторилась. Но он знал, что есть и другие соображения. В последний раз они общались после того, как убийца по имени Сорен Йохансен вонзил ему нож в сердце и ударом локтя погрузил в кому его сына. В тот же день Эрик Эпштейн уничтожил Белый дом и убил семьдесят пять тысяч солдат. Америка в тот день соскользнула в пропасть, и Купер видел: Натали хочет понять, что это означает. Для него, для них, для их детей.

– Будь осторожен, Ник, – произнесла она.

Видео замерло на расплывчатом изображении ее руки, протянутой, чтобы выключить камеру.

Вызов поступил, пока он носился за Эйбом Каузенем по «Гранд Сентрал».

«Еще один повод устроить взбучку доброму доктору».

Купер две недели не разговаривал с семьей, и хотя каждый день предпринимал попытки, соединиться ему ни разу не удалось. В новостях обвиняли Новую Землю Обетованную, утверждали, что Эпштейн оборвал связь с остальной Америкой. Но Купер подозревал, что верно как раз противоположное. Если правительство собиралось атаковать НЗО, то изоляция являлась важной мерой в кампании оболванивания телезрителей.

Он на всякий случай попробовал перезвонить. Но в трубке раздался только голос робота:

– Приносим извинения, из-за технических трудностей соединение в настоящий момент не может быть установлено. Пожалуйста, повторите попытку позже.

Он набрал еще раз.

– Приносим извинения, из-за технических...

Еще раз.

– Приносим извинения...

Купер отключился, сунул трубку в карман и вообразил, как Эйб Каузен умирает в огне. Эта фантазия ласкала ему сердце.

– Ваша бывшая? – спросил Итан с набитым гамбургером ртом.

– Да. Натали.

– Она ладит с Шеннон?

– Что вы имеете в виду?

– Ну, вы понимаете – бывшая жена, нынешняя любовница.

«Нынешняя любовница».

Купер вспомнил свою последнюю встречу с Шеннон две недели назад. Его практически ожидало поражение в той схватке, один из солдат Джона Смита переиграл его. Купер, услышав выстрелы, уже был готов почувствовать пулю в теле. Но он увидел, как словно из ниоткуда появилась Шеннон с автоматом на плече. Она улыбнулась ему своей неповторимой полуулыбкой и сказала: «Привет».

«Проблема в том, что через полчаса вы попрощались».

Так у них всегда и получалось. Они сражались в теневой войне, оба ходили по краю пропасти. Кому-то со стороны их отношения могли показаться романтическими, но на самом деле это был сущий ад. С ее умом, сексуальностью и необыкновенными способностями они составляли мощнейшую команду. Но времени вместе проводили всего ничего. Всегда по какой-то причине кто-то из них должен был уходить на секретное задание или участвовать в отчаянном столкновении. И судя по тому, как развивались события, перемен не предвиделось.

– Тут все сложно, – сказал Ник.

– Могу себе представить.

Купер поспешил сменить тему:

– Вы с Эйми не разговаривали?

Итан отер губы, кивнул – в его движении чувствовалась какая-то усталая грусть.

– Она все еще у матери в Чикаго. Говорит, там тоже творится много всякого, но с ними все в порядке. Прислала фотографию Вайолет.

Он протянул Куперу телефон. Малютка была хороша на тот бесформенный манер, на какой хороши все младенцы, к тому же у Купера сохранились воспоминания о собственной дочери в грудничковом возрасте. Кейт была такая маленькая и легкая, что он мог носить ее на руке, что часто и делал, разговаривая с ней и одновременно готовя завтрак на заливной солнцем кухне, которую когда-то делил с Натали. «Сюрприз» – так они называли Кейт, и никогда – «несчастный случай». Ее рождение заставило их еще какое-то время изо всех сил пытаться сохранить семью. Но отношения между ними уже давно начали портиться, и к рождению Кейт они оба решили, что лучше расстаться друзьями, чем оставаться вместе и жить как кошка с собакой.

– Красавица, – улыбнулся Купер, возвращая Итану телефон.

Пошевелив пальцами, он ощутил в суставах боль, которой сопутствовало жжение от рассеченной ладони. Ткани на ладонь ему нарастили в той же подземной клинике, где починили сердце, после того как Сорен его убил. Хотя рука сейчас болела, как родная, а сердце иногда пропускало удар-другой, его возвращение к жизни было настоящим чудом.

«Да, Эрику Эпштейну нужно отдать должное».

– Как себя чувствуете? – спросил Итан.

– Годен для работы на правительство.

– Забавно, – усмехнулся Итан, смял фольгу от сэндвича и швырнул в мусорную корзину. – Вы их здорово уделали – тех ребят в квартире Винсента.

– Они избили его, расколотили все его имущество, а потом обоссали – и все потому, что он аномальный, – покачал головой Купер. – Не люблю жлобов, док.

Холод пробирался ему под куртку, кофе был слабый и кислый. В окне отделанного серым камнем здания напротив последовательно мигали рождественские огоньки, отчего бумажные снежинки светились то красным, то зеленым. Удивительно было думать, что кто-то затратил столько усилий: достал из кладовки украшения, нашел скотч и кнопки. Земля продолжала вращаться, хотя и разваливалась на части.

– Как у вас все это получается?

В вопросе Итана прозвучали слова, которые дались ему нелегко.

– Получается что?

– Это. – Итан сделал движение, означающее «всё». – Я не видел Эйми и Вай две недели, а уже с ума схожу. Хочу обнять моих девочек. Хочу вернуться к работе, хочу готовить классную еду, спать в своей кровати. Как вы живете такой вот жизнью?

– Кто-то ведь должен спасать мир.

– Ваша мантра. – Итан помолчал. – Что, если нам не удастся найти Эйба?

– Мы должны его найти.

– Да, но не может ведь все зависеть от нас. Что-то образуется само собой. Как и всегда.

Купер это понимал. Год назад он и сам придерживался такого мнения. Пусть в мире есть напряженность и опасности, но есть и надежда – действующая система, сама цивилизация, обладающая массой и инерцией, которые не допустят катастрофы. Да, мир нуждается в защите, но он не настолько хрупок, чтобы развалиться.

Год назад он и сам бы произнес такие слова. А сейчас – просто встретил взгляд Итана и промолчал.

– Ну ладно, – сказал Итан. – Значит, так. Нам известно: Эйб здесь. У него нулевой уровень. И за ним охотится ДАР.

– Вот в этом-то вся и штука. – Купер отхлебнул отвратительный кофе. – Не случайно же в логотипе ДАР присутствует глаз. Пусть их ресурсы сегодня не те, что прежде, но Бобби Куин имеет возможность мониторить камеры видеонаблюдения, новостные дроны, приборы наблюдения за уличным трафиком. Повсюду сотни объективов. Укрыться на Манхэттене от ДАР довольно затруднительно.

– Мы это можем использовать? Обратитесь к своему другу – тому, кто сегодня утром сообщил вам об Эйбе.

– Нет. Валери не исключила нас из игры, но я не могу просить ее, чтобы она была против собственной команды. И потом, если бы она даже согласилась, мы бы шли вровень с ДАР. А нам нужно его опережать.

– Как?

– Персональные данные. Вы знаете Эйба, а они – нет. Они о Винсенте не узнают, а мы его найдем.

Итан задумался. Тень облака проползла по высоткам, где-то внизу под ними раздался гул поезда метро.

– Не думаю, что он вернется в свою квартиру. Может быть, попытается покинуть город?

– Может быть. Только это будет непросто.

После того как Эпштейн показал, что с помощью компьютера может сбить любой летающий объект, коммерческие полеты запретили. Отчасти поэтому так повысился спрос на поезда. Поэтому и еще из-за смутного ощущения, что надвигается открытое противостояние, а когда оно наступит, города станут опасным местом.

– Он может взять машину...

– Нет, – сказал Купер. – Профессиональные пианисты, даже сверходаренные, не зарабатывают достаточно денег, чтобы владеть машиной в Нью-Йорке.

Логическое решение проблемы доставило ему удовольствие. Казалось, что это было с ним в какой-то прошлой жизни. Но ведь и года не прошло с тех пор, когда он охотился на

таких же, как он, аномальных, работая в одном из самых секретных подразделений ДАР. А потому ему не составило труда вернуться к тем навыкам мышления.

«Соседи Винсента, фашиствующие скоты, не позволили ему взять с собой какие-нибудь вещи, даже бумажник, вероятно, отобрали. Возможно, он оказался на улице без гроша в кармане.

Пойти к приятелю? Возможно. Вот только сейчас Винсент явно не расположен к излишней доверчивости.

Он испуган, сломлен, чувствует себя в ловушке. Ищет...

Убежище».

Купер встал, допил остатки кофе, смял стаканчик и бросил в мусорный бачок.

– Идем.

* * *

Он всего раз был в Мэдисон-сквер-гарден – несколько лет назад на игре «Ников»¹⁶, прошел тогда по светлому стеклянному фойе вместе с двадцатью тысячами других болельщиков. А сегодня они подошли к заднему входу, который раньше использовался, вероятно, как служебный. Здесь, на нефасадной стороне огромного здания, они увидели ряд убогих металлических дверей. Щиток на припаркованном рядом автоприцепе гласил: «ПРИЮТ ДЛЯ БЕЖЕНЦЕВ МЭДИСОН-СКВЕР-ГАРДЕН», а ниже: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, СВЕРХОДАРЕННЫЕ». У двери болтали два солдата в адаптивном камуфляже. Они жестикулировали, и цифровой рисунок на их форме переливался и смещался.

– Джентльмены, – сказал один из них, открывая дверь, – прошу вас приготовить документы.

Они оказались в тесном пропускном тамбуре. Объективы камер вглядывались в каждый угол, у металлодетектора и рентгеновского конвейера тоже стояли солдаты. Усталая мать несла шестилетнюю девочку, а ее муж спорил о чем-то с хорошенькой женщиной в гражданской одежде.

– Но я не понимаю, – сказал мужчина. – Я думал, можно приходить семьями.

– Можно, – ответила сотрудница. – Но ради вашей безопасности мы размещаем одаренных членов семей отдельно.

– Я не оставляю жену и дочь.

– Вы будете вместе, вам только койки будут назначены в разных местах.

– Если мы будем разделены, то я не понимаю, как мы...

– Дорогой, – прикоснулась усталая женщина к плечу мужа, – у нас нет выбора. Ты ведь не хочешь, чтобы нашу дверь выломали и тебя уволокли?

– Кто уведет папу? – испугалась девочка, услышав ее слова.

– Никто, детка, – сказал мужчина. – Никто.

Он погладил ее волосы. Купер посмотрел на него – ярость и беспомощность этого человека достигли степени каления, но он тем не менее проговорил:

– Хорошо.

– Прошу вас, проходите сюда, – обратилась хорошенькая женщина к Куперу. – Добро пожаловать в Приют. Вы ищете убежища?

– Нет.

Он распахнул удостоверение. На нем была фотография совершенно другого человека. Человека, абсолютно уверенного в себе, который не надеется, а знает, что поступает правильно. Ведет справедливую борьбу. Делает трудный выбор ради большего блага. В реальности вопло-

¹⁶ «Ники» – так болельщики называют профессиональную баскетбольную команду «The New York Knickerbockers».

щает героические мгновения из кинофильмов, вызывавших у него слезы. Тревожное звучание музыки, дерзкое самопожертвование, вера в то, что можно умереть за дело, которому ты служишь, – все те солдатские клише, соблазнявшие его еще с детских лет, все он носил в себе.

*НИКОЛАС ДЖ. КУПЕР
СПЕЦИАЛЬНЫЙ АГЕНТ
СЛУЖБЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ
ДЕПАРТАМЕНТА АНАЛИЗА И РЕАГИРОВАНИЯ*

Кроме удостоверения был еще и значок, в центре которого логотип ДАР – всевидящее око. И хотя Купер теперь находился в резерве, но технически продолжал оставаться агентом правительства в длительном отпуске. Он подумывал, не уволиться ли из департамента, когда принял предложение президента Клэя и стал его советником, но решил не делать этого – сомневался, что останется в политике.

«Ты здорово недооценен...»

Женщина изучила его удостоверение.

– Добро пожаловать, сэр. – Она протянула им пластиковые значки. – Пожалуйста, прикрепите их на видное место – они дают вам полный доступ в Приют. Если вы вооружены, то оружие вам придется оставить здесь.

– Почему?

– Просто мера предосторожности. У нас несколько тысяч резидентов, и мы не можем рисковать.

Купер не понимал, что это значит.

– Мы не вооружены. Но может быть, вы найдете для меня одного... резидента. Винсента Луса.

Она постучала по спрятанной клавиатуре и сказала:

– Секция С, ряд шесть, помещение восемь. Подниметесь лифтом на пятый этаж, а там по коридору к выходу на площадку.

Со значками в руках они прошли пост охраны, где солдаты обыскивали три жалкие сумки, с которыми пришло семейство. Собирать такие сумки было, вероятно, трудно. Как можно решить, с какой частью жизни расстаться? Отец посмотрел на него, и Купер кивнул. Человек ему не ответил.

Они вошли в кабинку лифта. Когда двери закрылись, Итан сказал:

– Не понимаю.

– Чего?

– Я бы ни за что не привел сюда свою семью.

– Нет? – Купер нажал кнопку пятого этажа. – Вы пытались выбраться из Кливленда посреди ночи, минуя посты военного карантина. И вы говорите мне, что, если бы нашлось теплое, безопасное место, где можно было бы пересидеть, вы бы им не воспользовались?

– Мы не «пытались». Мы выбрались. И все тюрьмы поначалу теплые и безопасные.

– Тюрьмы? Да бросьте вы.

– Вы посмотрите, как быстро все образовалось. Прошло всего несколько дней после атаки, а у них есть приюты, система безопасности, даже рекламная кампания. Кто-то все это спланировал заранее.

– И что?

– Какова вероятность того, что он действовал от чистого сердца?

Дверь лифта открылась, и они вышли в голый бетонный коридор. Солдаты и гражданские двигались по чреву арены, лишенному фасадного лоска: монтажные короба наверху, вилочные погрузчики, припаркованные в нишах, слабый запах мочи в воздухе.

– Если говорить о резидентах и их благе, – сказал Купер, – Винсент в буквальном смысле наша единственная ниточка, и мы собираемся просить его предать Эйба. Я не знаю, в каких он отношениях с вашим боссом, но не исключено, что он откажется.

– Так, въехал, – прогнусавил Итан, подражая произношению персонажа из низкобюджетного детектива. – Ты, значит, мне втыкаешь кусачки ему показать, чтобы очко заиграло.

– Я всего лишь говорю: он должен нам помочь. Точка.

– Постойте. Вы не шутите? – Итан остановился. – Что вы имеете в виду? Это гестаповский подход.

Может быть, сказала утренняя неудача. Или то, как мир, с упорством, достойным лучшего применения, двигался к катастрофе. Или запах мочи в коридоре. А может, Купер просто устал, накопилось раздражение, чертовски давно не видел детишек. Какова бы ни была причина, но злость проснулась в нем со скоростью атакующей кобры, и он, еще секунду назад не замышлявший ничего такого, развернулся и прижал Итана к стене. Ученый удивленно вскрикнул.

– Я устал от сравнений с гестапо, – четко произнося слова, проговорил Купер.

Внутренний голос шептал ему: «Легче, легче», но другой голос напоминал, что у него было две возможности убить Джона Смита, что он способствовал отрешению от власти одного президента и не смог уберечь другого, что, как он ни пытался создать лучший мир для своих детей, ему удалось лишь приблизить конец света.

– Америка, – пояснил Купер, – сейчас находится в состоянии войны, потому что я не действовал как гестапо. Семьдесят пять тысяч солдат погибли, потому что я не действовал как гестапо. Мальчишку линчевали, потому что я не действовал как гестапо.

И только выговорившись, он понял, что именно это и не давало ему покоя в последнее время. Повешенный подросток в одной кроссовке. Именно поэтому он и избил сегодня утром до потери сознания трех человек. Поэтому и сейчас его мышцы действовали, опережая его мысли. Он заставил себя глубоко вдохнуть, увидел страх в глазах Итана, и его ярость ушла так же быстро, как появилась.

– Извините. – Он отпустил ученого. – Я устал оттого, что люди, которым никогда не приходится принимать таких решений, говорят мне, будто я монстр.

Итан уставился на него с открытым ртом.

– Сорен мог убить всю мою семью, – сказал он. – Вы спасли мою жену и дочь. Мы можем расходиться во мнениях, но я никогда не считал вас монстром.

Купер кивнул и пошел дальше, бросив через плечо:

– Извините, нервы немного разыгрались.

* * *

Купер предполагал увидеть гуляющую кругами многотысячную толпу, услышать громкие разговоры и крики детей. Может быть, даже смех. Но его взгляду предстали около ста человек. Они безучастно ходили по игровой площадке, разговаривали шепотом, старались не поднимать глаз. За ними наблюдали десятки вооруженных солдат. Ощущение возникало такое, будто ты попал в тюрьму или зоопарк. За площадкой были удалены кресла для зрителей, и наклонное пространство застроено рядами панельных комнат, похожих на детальки «лего». Ряды за рядами уходили в темноту. На гулком стадионе стояла тревожная тишина. Голоса, едва звучавшие на площадке, заглушались тяжелым грузом всего этого пространства.

«Кто-то все это спланировал заранее, – вспомнил Купер слова Итана. – Какова вероятность того, что он действовал от чистого сердца?»

У солдата, стоявшего возле лестницы секции С, на подбородке расцветало целое созвездие прыщей. Проверив предъявленные ему значки, он спросил у Купера:

- Хотите, чтобы я отпер, сэр?
- Их держат взаперти?
- Да, сэр. В целях безопасности.
- Купер уставился на него и сказал:
- Си-шесть-восемь.

Охранник пошел наверх, Купер двинулся следом, держась одной рукой за перила. Он вдыхал застоялый запах пива и вел подсчеты в уме.

«Семь в одном ряду, двадцать рядов в секции, двадцать секций, всего около трех тысяч. Три тысячи клеток.

Клеток для таких, как ты».

Когда они дошли до клетки Винсента, охранник провел карточкой по считывателю электронного замка, взял на изготовку винтовку и объявил:

- Си-шесть-восемь! Посетитель.
- Он потянулся к ручке двери, но Купер остановил его:
- Я сам.
- Вы уверены?
- Уверен.

Он дождался, когда охранник уйдет, и открыл дверь.

Панельная комната имела в ширину менее полутора метров и в длину около двух с половиной – размер стенового шкафа или листа фанеры. Коробка без окон, места достаточно лишь для койки и биотуалета, вонь которого стояла в воздухе. У лежащего человека были тонкие черты актера с рекламы шотландского виски, хотя его привлекательной внешности не шли ни синяк под глазом, ни сломанный нос.

Не отводя взгляда от лампы, Винсент Лус сказал:

- Вы не охранник.
- Меня зовут Ник Купер. Нам нужно поговорить.
- О чем?
- Не хотите подышать воздухом? – спросил Купер, показав на дверь.

* * *

Прежняя ложа для прессы – вот самое тихое место, какое им удалось найти, отсюда когда-то трехмерные камеры вели запись игр «Ников». Винсент прислонился спиной к наружной стене, уставился на превращенную в тюрьму арену. Его побитое лицо отражалось в стекле.

– Вы здесь ведете допросы и пытаете водой? Должен вам сказать, я ничего не знаю о тайных планах аномальных.

- Я хочу поговорить о докторе Эйбрахаме Каузене.
- Вы шутите? – повернулся к нему Лус, и в его глазах сверкнул огонек. – Невероятно. Купер хотел было объяснить, но передумал.

«Это не защитное поведение».

– Сначала он выдает меня фашиствующим гопникам-сосе дям, которые... – Он оборвал себя, не закончив предложения. – А когда я с испугу принял идиотское решение прийти сюда, он хочет спасти положение? Пошел он к черту, ваш Эйб. Я уж лучше останусь здесь, чем назову его спасителем.

- Я думал... – начал Купер и замолчал.
- Он понял, что что-то упустил, что-то важное.
- Таково его представление о жесте любви? – сказал Винсент.
- «Опа».

Купер скосил взгляд на Итана, который лишь пожал плечами: я, мол, ни о чем таком и не догадывался.

– Значит, вы с Эйбом – пара?

– Мы порвали отношения год назад, если уж вы назвали нас парой. Чтобы жить вместе, нужно уважать друг друга. Он никогда не видел во мне личность. Скорее – фетиш.

– Что вы имеете в виду? – спросил Купер, выкатил кресло на колесиках и сел.

– Он любит мозганов, – сказал Винсент. – Ко мне он не питал никаких чувств – только к моему дару. А его работа! Он мог бы изобрести средство от рака, а он всю свою энергию тратит на то, чтобы найти способ сделать обычных людей сверходаренными.

– Постойте-ка, – встрял Итан, – он рассказывал вам о нашем исследовании?

Винсент наклонил голову. Его пальцы, длинные и гибкие, выстукивали какой-то ритм по стеклу.

– Вы Итан Парк.

– Мм. Да.

– Я много слышал о вас. Столько, что даже ревновать начал.

– Я... и я тоже. К вам.

– Сомневаюсь, – мрачно улыбнулся Винсент. – Эйб никогда не говорил о вещах, которые ему безразличны. Но вы были его маленьким гением. Он сказал, что без вашей работы о теломерных последовательностях ничего бы не получилось. И он бы теперь не знал, что значит чувствовать себя богом. Сноб.

– И когда он вам это говорил?

– Позавчера, когда показывал мне свою лабораторию.

– Что?! – в один голос воскликнули Купер и Итан. – Лабораторию?

– Ага, – кивнул Винсент, переводя взгляд с одного на другого. – Я только теперь понял: Эйб вас не посылал. Вы его ищете.

Купер хотел солгать, но передумал.

– Можете рассказать мне о его лаборатории?

– Вы поэтому его ищете? Из-за его исследований?

– Да.

– Вы собираетесь его убить?

– Нет.

– Если я вам скажу, вы меня вызволите отсюда?

– Даю слово.

Винсент поднял глаза и спросил у Итана:

– Ему можно верить?

– Да, – без колебаний ответил ученый, и, несмотря на ссору, Купер не мог не признать, что проникся к нему теплым чувством.

Раздался звук гудка, приглушенный стеклом. Люди, бродившие по арене, вздрогнули, словно получили пинка, поспешили построиться один за другим и, опустив руки, направились в свои клетки.

Винсент, глядя сквозь стекло, сказал:

– Моя музыка слишком продвинутая для большинства слушателей, но Эйбу нравилось смотреть, как я играю. Он всегда просил меня сыграть двойное соло. Одновременно отдельное соло для каждой руки. – Он покачал головой. – Мне казалось, ему нравится звук. Но дело было не в этом. Ему просто нравилось видеть проявление моего дара.

Он повернулся к ним и продолжил:

– Его лаборатория в Южном Бронксе на Бэй-авеню. Он мне все уши прожужжал, говоря о том, что это страшная тайна, что он для строительства лаборатории переводил часть грантов,

что о ней даже Итан не знал. Адреса я не помню, но она расположена в одноэтажном кирпичном строении без окон напротив двора по утилизации машин.

Купер вытащил из кармана планшетник, развернул его движением ладони и вызвал карту. Улица проходила близ реки и имела в длину всего метров восемьсот. Он почувствовал прежний прилив уверенности, ощущение, что вышел на цель.

– Что вы с ним сделаете? – спросил Лус.

Не сводя глаз с карты, Купер ответил:

– Вы сами видите, куда мы скатываемся. К войне или еще чему похуже. Работа Эйба могла бы предотвратить это.

– Каким образом?

– Выровняв игровую площадку.

– И вас не беспокоят побочные эффекты?

Купер посмотрел на Итана, снова перевел взгляд на Винсента и переспросил:

– Побочные эффекты?

Сенатор, при всем моем уважении, дело не сводится к тому, чтобы запретить полеты и перевести ракеты в офлайн. Система, которая подает воду в ваш дом, управляется компьютерами. То же относится и к системе сбора мусора. Распределение электричества осуществляется компьютерами. Локальные, региональные, национальные и глобальные коммуникации. Нефтяные скважины. Телевидение. Уличные светофоры. Торговые автоматы. Перевозка и охлаждение продуктов питания. Автоматические замки. Медицинское обслуживание. Лимузин, в котором вы приехали. В современной жизни нет ни одной области, которая в какой-то степени не зависела бы от компьютеров.

А потому, когда вы спрашиваете, что требуется для гарантии неповторения 1 декабря, я могу дать только один ответ: купите винтовку и переезжайте в пещеру.

«Кибер-царь» ФБР Джизела Брак

Обращение к сенату США

Глава 6

Обычно она с удовольствием ездила на поезде. Ей нравился диссонанс между кажущейся неподвижностью в вагоне и головокружительным мельканием за окном. Этот контраст успокаивал, он, вероятно, символизировал тот образ жизни, который она выбрала для себя. Но сегодня Шеннон целиком сосредоточилась на одном из своих старых друзей и возможности убить его.

Она провела в Новой Земле Обетованной больше недели. Поливала свое пластмассовое растение, смотрела из окна необжитого жилища, и вдруг позвонил Эрик и попросил ее зайти к нему. Ее квартирка-студия располагалась в Ньютоне, а он жил в Тесле. Но когда приглашал богатейший человек мира, каждый спешил ответить на приглашение, поэтому она села на планер и во второй половине дня была у Эрика.

Он сделал ей захватывающее предложение.

«Нет, детка. Захватывает – это когда твой любимый автор издает новую книгу. Захватывает, когда ты в первый раз заходишь в незнакомый ресторан. Захватывает, когда Ник улыбается тебе, после того как ты убиваешь боевика, который чуть-чуть его не застрелил.

А здесь речь идет кое о чем другом».

– Статистически маловероятно, – сказал Эпштейн. – Вероятность неудачи при попытке захватить Джона Смита живым составляет восемьдесят три и семь десятых процента. Вероятность неудачи при попытке убить его – семьдесят семь и три десятых. Вероятность реверсирования ситуации, возможно ведущая к вашей гибели, шестьдесят пять целых и одна десятая процента.

– Знаете, вы с Джоном во многом похожи, – сказала Шеннон.

– Неверно. У нас абсолютно противоположные личностные матрицы...

– Может быть, – пожала она плечами. – Но у вас есть и нечто общее. Вы оба только и думаете, какую бы гадость мне подсунуть.

Шеннон только во второй раз видела Эрика, настоящего Эрика, а не его брата Джейкоба, который был публичным лицом Эрика. В первый раз она встретилась с ним девять дней назад, когда доставила ему накачанного наркотиками и переломанного Сорена Йохансена. Ее попросил об этом Купер, который считал, что Сорен может дать им средства воздействия на Смита или информацию о нем. Тогда Шеннон не была уверена, но теперь задумалась – может, из-за Купера что-то и получится.

Эрик, однако, никак не прореагировал на ее шпильку, просто сидел ссутулившись. На его лице играли отсветы голограмм, висевших в воздухе вокруг них: топографическая таблица цен на свиную грудинку в зависимости от частоты проявлений терроризма, изображения ливневого шторма в Южно-Китайском море, векторные карты пуль, выстреливаемых из разного оружия, замедленная съемка процесса распространения мха по дереву, новости – горящий лимузин президента Рамирес. Не символично ли, что первый президент-женщина едва не погибает от взрыва всего через две недели после принятия присяги? Это внутреннее святилище представляло собой подземное про странство, больше похожее на планетарий, чем на рабочий кабинет, и хотя Шеннон пыталась сохранить хладно кровие, трудно было не поражаться просто фантастическим объемам информации, присутствующей здесь.

– Почему я должна согласиться сделать что-то такое, что почти наверняка приведет к моей смерти?

– Ситуация становится все более неустойчивой, – сказал Эпштейн звенящим от чувства безысходности голосом. – Модели поведения определяются информацией, но информация меняется слишком быстро. Ее невозможно классифицировать, анализировать, конкрети-

зировать. Но статистически вероятность атаки на Новую Землю Обетованную является почти стопроцентной.

– Вы считаете, что передача Джона Смита в руки правительства предотвратит атаку?

– Нет, не предотвратит. Отсрочит.

Она втянула воздух сквозь зубы, посмотрела на висящие перед ней схемы легкой железной дороги.

– Джон знает, что я больше не на его стороне. С какой стати он вдруг согласится встречаться со мной?

– Искус. Уж больно заманчивое предложение.

– Какое?

– Союз. Я. Вы. Все мы вместе.

Да, искус сильный. Джон преуспевал со своей собственной революцией, поскольку дела в мире обстояли прескверно. Но насколько он станет эффективнее, имея за спиной Эпштейна?

– Не уверена, что я готова к такому шагу. Одно дело – позлить его, и другое – попытаться убить.

– Предпочтительно захватить живым.

– Для того чтобы передать людям, которые его убьют.

– Прежние тонкости в оценке ситуации уже устарели. Есть только два варианта. Война против войны. Если мы не делаем никакого выбора, то и это тоже выбор.

Оспорить такой факт она не могла, а потому и оказалась теперь здесь, в легком поезде, мчавшемся вокруг Теслы, магнитном транспортном средстве, не производившем ни шума, ни вибрации. Единственным свидетельством движения был несущийся за окном город. Шеннон выглянула в окно, прикидывая, что означает желание Джона развязать войну. Он был самым выдающимся стратегом на земле, человеком, который продумывал развитие событий не на пять ходов, а на пять лет вперед. И если он желал развязать войну, то лишь потому, что был уверен в собственной победе.

Эта мысль воистину отрезвляла. Превосходство в численности было не на стороне сверходаренных и составляло девяносто девять к одному. Победа означала океан крови.

«Сосредоточься, Шен. Ты и без того в проигрышной ситуации. Не отвлекайся.

Ты не знаешь, что за туз у тебя в рукаве. И вообще, туз ли это.

А Джон должен войти на следующей остановке».

Обычно, когда она выходила на задание, краски дня становились чуть ярче, а вкус воздуха чуть слаще. Но сейчас у нее лишь разыгрались нервы – ничего больше.

Поезд беззвучно вкатился на вокзал Эшбери. Сошли несколько пассажиров, другие сели. Середина дня – вагон заполнился почти до предела. Шеннон уперлась одной ногой в противоположное сиденье и слегка отрицательно покачивала головой, отвечая тем, кто замечал пустое место. Она оглядывала людей, севших в поезд и идущих между рядов. Флиртующие парень и девушка. Молодая женщина, баюкающая младенца. Задремавшая пожилая дама. По проходу шел мужчина в ковбойской шляпе, низко надвинутой на лоб. Поля шляпы скрывали лицо, но фигура мужчины точно была как у Джона. Шеннон принялась стигать пальцы, готовясь войти в образ, но мужчина прошел мимо нее. Черт.

Когда ее взгляд вернулся к противоположному сиденью, оно оказалось занятым. Прямо на нее смотрел парнишка лет шестнадцати. Туфля Шеннон по-прежнему упиралась в сиденье, а ноги парня расположились по обе стороны от нее.

«Ну ты и ловкач».

– Послушайте, я польщена, но я жду кое-кого, – сказала она.

Парень ничего не ответил, но в его пустой секунду назад руке вдруг появился планшетник. Он без слов протянул ей компьютер.

Сердце ее упало. Конечно же. Да, попытка была почти безнадежная. Она взяла планшетник, и его экран засветился.

– Привет, Шеннон, – сказал Джон Смит с экрана. – Должен сказать, что я разочарован.

– Ты разочарован? Я-то, по крайней мере, пришла. Я здесь. А где ты?

– Я сейчас не в Новой Земле Обетованной, что, вероятно, к лучшему, поскольку, как я вижу, ты обзавелась новыми друзьями. Я насчитал шесть наилучших тактических уловок Эпштейна, включая и того типа в шляпе, которого ты приняла за меня. Полагаю, они просто едут с работы?

– Они здесь для защиты, – ответила она. – Мы не знали, чего ждать...

– Прекрати, – сказал он. – Это же я.

Она набрала полные легкие воздуха, выдохнула:

– Ладно.

– Мы поболтаем минутку. Но сначала ты должна увидеть кое-что. Колин?

Парень напротив нее совершил молниеносное движение рукой, извлекая что-то из кармана. Он разжал кулак, и она увидела маленький цилиндр с кнопкой наверху. Ее желудок завязался узлом.

– Чтобы не тратить попусту время, дай-ка я освобожу тебя от возможных заблуждений. Нет, ты не можешь двигаться быстрее Колина. И не можешь делать движений, которые бы он не заметил. Он из сверходаренных. Из очень-очень одаренных. Да, сканеры легкого поезда реагируют на обычную взрывчатку, так что Колин не мог ее пронести в вагон. А потому полчаса назад он сделал себе инъекцию взрывчатых радиоуправляемых нанороботов. Каждый в отдельности они никакой угрозы не представляют, но, самоорганизовавшись в решетку в теле хозяина, они приобретают огромную силу. Такой взрыв разнесет чуть ли не весь вагон.

Она посмотрела на Колина, отметила его впалые щеки, лихорадочно горящие глаза, капельки пота на висках и шее.

– И зачем столько хлопот?

– Тот же вопрос у меня к тебе. Мы с тобой сто лет знаем друг друга.

– Это было нелегко. Но я не хочу войны, а ты – хочешь.

– Нет, Шеннон, я не хочу войны – я ее веду.

– Зачем тогда попусту тратить время на разговоры со мной?

Джон на экране вздохнул:

– Остается малая вероятность того, что ты скажешь мне правду о предложении Эпштейна. Я всегда полагал, что Эрик не безнадежен: он может поменять мнение и понять: мы с ним на одной стороне. В конечном счете ведь таких сторон всего две: сверходаренные и обычные, а все остальное – обман, и вскоре весь мир будет разделять мою точку зрения.

– Ты хочешь сказать, что принудишь его.

– Никто не знает точно, почему вымерли неандертальцы, – сказал Джон. – Кто-то говорит, дело в изменении климата, некоторые считают, что у них возник конфликт с гомо сапиенс, третьи полагают, что они исчерпали все имевшиеся пищевые ресурсы. Какова бы ни была причина, факт остается фактом: на планете появился вид, который был больше приспособлен к выживанию. Все очень просто. Анормальные – это новый орден, Шеннон. Конфликт неизбежен. Я лишь ускоряю ход событий. И гарантирую победу.

– Прекрасный урок истории, – сказала она. – Но пока ты достиг только одного: настроил весь мир против нас. Нас уничтожат, Джон.

– Я так не думаю, – рассмеялся он.

Она уставилась на своего друга и давнего единомышленника. Человека, за которого она сражалась и убивала, когда верила, что он добивается лишь одного: равноправия. Человека, который много лет избегал ареста, хотя и был самым разыскиваемым преступником в Аме-

рике. Человека, который в подполье сумел создать революционную армию. Человека, который в четырнадцать лет обыграл трех гроссмейстеров в сеансе одновременной игры.

Она нервничала после разговора с Эриком. Теперь она испытала чувство страха. И не за себя.

– В любом случае мне жаль, что все так складывается. Не люблю убивать сверходаренных, а тебя я считаю другом. Но ты по другую сторону, и ты опасна.

Шеннон почувствовала, как участился у нее пульс и начала дрожать рука. Она посмотрела на Колина.

– Не делай этого. Ты всего лишь мальчик, не...

– Он святой воин, – сказал Смит. – Он готов пожертвовать собой ради общего дела.

Колин не то чтобы улыбнулся, но слова Смита наполнили парня светом, лихорадочным сиянием, которое просачивалось сквозь его поры, лучилось из глаз, заставляло дрожать палец на взрывателе. Она видела: он хочет нажать кнопку. Он верил, что исполняет волю пророка, верил со всей силой юношеского максимализма.

– Джон, тут обычные люди, – сказала она, стараясь говорить тихим голосом. (Если кто услышит – начнется паника, и тогда Колин наверняка нажмет кнопку.) – Ни в чем не повинные. По другую сторону сидит женщина с ребенком.

– Я тебе все время твержу: идет война. Будет пролита кровь. Ты что, не понимаешь?

«Он не блефует.

Пора проверить, стоит ли чего-нибудь туз в рукаве».

– Понимаю, Джон. И я хочу показать тебе кое-что.

Она очень медленно, остро ощущая дрожащий палец Колина на кнопке, вытащила собственный планшетник и включила его. Повернула так, чтобы запись была видна Смицу.

Простая комната с белыми стенами, похожая на операционную и слишком яркая.

Сверкающие инструменты на подносе: скальпели, плоскогубцы, провода.

Стол и человек, пристегнутый к нему.

– Сорен? – изумленно проговорил Джон.

– Ты думал, он мертв? Мне сказали, что у него коэффициент задержки равен одиннадцати и двум десятых. Секундная боль для нас растягивается для него в двенадцатисекундную. Ты можешь себе представить?

Последовала долгая пауза. Когда Джон заговорил снова, в его голосе послышалась хрипотца.

– Я ошибался. Я не разочарован. Я испытываю отвращение. Это недостойно тебя.

– Согласна. Но виной тому не я – ты.

Шеннон сидела абсолютно неподвижно, но каждая клеточка ее тела вопила. Она чувствовала запах собственного пота. Жизни всех находящихся в поезде зависели от двух факторов: насколько Джон и в самом деле ценит своих друзей и насколько важна для него ее смерть.

– Вы его отпустите?

– Ни в коем случае, – рассмеялась она. – Но ты можешь видеть, что его никто не трогал, на нем нет ни царапинки, если, конечно, не считать тех синяков, что оставил на нем Ник. Но Эпштейн его подлечил, и с ним обходятся по-человечески. Так почему бы тебе не сказать Колину, чтобы он убрал свой пульт, сошел с поезда, и мы бы все продолжили жить каждый своей жизнью.

Лицо Смита оставалось бесстрастным, но она могла себе представить, какие расчеты производит его мозг. Взвешивает потери и выгоды. Она не сомневалась, что Джон готов пожертвовать Сореном, обречь его на мучительную смерть и взорвать всех в поезде, если он решит, что это будет ему выгодно. Скорость поезда стала падать. Они приближались к следующей станции.

«Если он приведет бомбу в действие там, то погибнет даже больше народу».

– Джон, – сказала она, – моя смерть не настолько важна. Ребенок на другой стороне вагона вскрикнул.

– Отлично, – сказал Смит. – Колин, ты молодец. Выходи из вагона. Если кто-нибудь попытается тебя остановить, взрывай поезд.

На лице парня появилось чуть ли не разочарованное выражение, но он вернул пульт в карман и резво поднялся на ноги. Когда поезд остановился, парень слился с толпой у дверей.

– Я тебя недооценивал, Шеннон. Как ты себя чувствуешь, став такой дрянью? – спросил Смит.

– Паршиво, – ответила она. – Но у меня есть утешение: я сейчас спасла жизни многих людей.

Она отключилась, прежде чем он успел что-то сказать.

И закрыла лицо руками.

У меня нет об этом никакой информации. Мы только расследуем преступления.

Комиссар бирмингемской полиции Джаррет Иванс

Заявление в связи с измышлениями, будто трое полицейских в свободное от работы время похитили и убили трех аномальных в Алабаме

Глава 7

Бэй-авеню была застроена невзрачными домами, легкими промышленными зданиями и гаражами. Здесь преобладали оттенки коричневого и серого, а в воздухе слегка пахло рыбой. Когда сквозь просветы в тучах пробивалось солнце, разбитые лобовые стекла на площадке для разборки машин посылали вокруг тусклых зайчиков.

Здание Эйба Каузена имело уродливый приземистый вид. Никаких вывесок, почтового ящика тоже нет, а вместо обычного замка сканер для пальцев. Все так, как говорил Винсент.

Одна беда – дверь в дом была открыта.

– Встаньте за мной, – сказал Купер, и Итан быстро переместился ему за спину.

На улице стояла тишина, только доставочный грузовичок урчал двигателем в пятидесяти метрах в отгрузочном доке. И все же трудно было представить какие-то позитивные обстоятельства, заставившие доброго доктора оставить дверь в его секретную лабораторию открытой.

«Есть только один способ выяснить».

Купер наотмашь распахнул дверь. Солнечный свет был как слабый чай, и разглядеть, что происходит внутри, оказалось невозможно. Тихим шагом он вошел внутрь.

Услышал какое-то слабое гудение, вдохнул антибактериальный запах. На стене располагался ряд выключателей. Он подумал несколько мгновений, решил, что видимость лучше неведения, и вдарил сразу по всем. Флуоресцентные лампы щелкнули и загудели.

На столах стояли центрифуги, датчики и аппараты, о назначении которых он мог только догадываться. Рядом висел ряд защитных костюмов, напоминавший повешенных. В центре помещения на боку лежала скамья, возле нее поблескивало упавшее оборудование. Сверкало битое стекло. По скамье, по полу, а затем по стене проходил всплеск матово-алой ленты, словно кто-то провел гигантской кистью. На полу у стального холодильника лежали забрызганные кровью рубашка и толстовка-кенгурушка.

Доктора Эйбрахама Каузена нигде не было видно.

Купер прижал палец к губам, жестом показал Итану, чтобы тот оставался на месте, и двинулся к дальней стене. Первая дверь вела в небольшой туалет. На бачке лежала половина рулона туалетной бумаги, а в раковине – зубная паста и щетка, одноразовая бритва и баллончик с пеной для бритья. В другой комнате располагалась импровизированная спальня – размером чуть больше кладовки. Здесь стояла армейская кушетка. Никого внутри, и спрятаться негде.

«Черт».

Итан в центре комнаты провел пальцем по кровавой полосе, посмотрел: отливает блеском, цвет красный. Все еще влажная. Купер глянул на брошенную одежду – рядом с кенгурушкой лежал недоеденный дешевый сэндвич.

Когда он направился к ряду серверов, послышался рев автомобильного двигателя.

«Идиот. Как же ты это упустил?»

Он повернулся к Итану, успел сказать только: «Док, не делайте никаких глупостей», и в помещение с криками ворвалась группа людей.

Они были в бронежилетах и касках, похожих на мотоциклетные шлемы. Их штурмовые винтовки обшаривали помещение, описывая убийственные дуги. Танец этот исполнялся с ювелирной точностью, достигаемой годами бесконечных тренировок, но отчасти и благодаря встроенной в шлемы системе кругового обзора, которая позволяла видеть всех остальных членов команды, а также благодаря системам видеотрансляции, тепловидения, оценки состояния оружия...

– Руки на голову! Быстро!

Купер демонстративно поднял руки и сплел пальцы.

– На колени! Быстро! Быстро!

Он подчинился, думая: «Этот грузовичок стоял с работающим двигателем, и водитель был уж слишком хорошо сложен и насторожен».

И еще подумал: «Взвод Безликих. Элитное тактическое подразделение ДАР. Уж не прикончили ли они Эйба?»

А потом подумал: «Не ты ли следующий?»

На старшем была та же форма, но только вместо штурмовой винтовки – пистолет. Он встал перед Купером и уставился на него, в его щитке отражалось помещение.

– Сюрприз.

Несмотря на искажения громкоговорящей системы шлема, голос показался знакомым. Купер потряс головой и сказал:

– Привет, напарник.

Бобби Куин поднес руку к уху и нажал кнопку, которая подняла щиток, обнажив волчью ухмылку.

– Здорово, Куп. Все еще пытаешься спасти мир?

– Как всегда.

– Ну и как успехи?

– Как всегда.

Куин посмотрел на стоящего на коленях и очень бледного Итана Парка и повернулся к своим людям:

– Это друзья. Проверьте помещение.

Безликие плавно перешли к действию, каждый сам определил свое задание.

Купер взял руку Бобби и позволил старому приятелю поднять его.

– Как поживают психи?

– По-сумасшедшему, – ответил Куин, оглядываясь вокруг. – Твоя работа?

– Ха-ха. Тут все так было до нашего прихода. Ты давно наблюдаешь за этим местом?

– Ничего мы не наблюдали.

– Так как же... – Купер замолчал, увидев ухмылку на физиономии Куина – настоящий котяра с канарейкой в пасти. – Твою мать! Ты вел нас.

– С самого сегодняшнего утра. А прежде и не знал, что вы в городе. Но когда увидел, как ты припустил за Каузенем, то подумал: «Бобби, старина, ты можешь гоняться за призраками, как псих, а можешь полежать тут, нянча свои яйца, а Куп тем временем сделает работу за тебя». ЛНС, старина. ЛНС.

– Линия наименьшего сопротивления, – автоматически проговорил Купер. – Рад тебя видеть.

– И я тоже. Хотя это не означает, что я не дам тебе пенделя. Доктор Парк, вы можете встать.

Итан поднялся и неуверенно подошел к ним:

– Здравствуй, агент Куин.

– А вот вам пенделя я точно дам, – заметил Итан.

– Извините, что убежал. Я защищал свою семью.

– Да бросьте вы. Где ваш босс?

Итан пожал плечами.

Один из Безликих вырос перед ними и доложил Куину:

– В здании и вокруг все чисто, сэр. Никаких признаков разыскиваемого.

Куин кивнул и скомандовал:

– Закройте дверь и осмотрите улицу. Если Каузен вернется, не спугните его. А пока нужно арестовать то, что тут есть. Запакуйте всё: все терминалы, всё оборудование, каждый фартучек.

– Пойдите, вы не можете это сделать... – встрял Итан.

– Доктор Парк, очень вам советую сменить тон.

Итан глубоко вздохнул и поднял руки ладонями наружу:

– Извините. Я просто хотел сказать, что пока не стоит перемещать оборудование. Оно может утратить установки, если его обесточить. А нам необходимо знать, какие были исходные установки.

– Ну хорошо. – Куин втянул воздух сквозь сжатые зубы. – Наделяю вас необходимыми полномочиями. Помогите ребятам собрать все.

Итан посмотрел на Купера, тот кивнул. Ученый поспешил к столу со словами:

– Постойте, не трогайте это, пожалуйста...

Куин снял шлем и, взяв его под мышку, спросил:

– Как дела у Тодда?

– Пришел в себя. Доктора говорят, никаких необратимых повреждений нет.

– Старина, это же здорово. Где они теперь?

– В Тесле.

Лицо Куина потемнело.

– В Новой Земле Обетованной? Что тогда ты делаешь здесь?

– У меня нет выбора. Работа Каузена – почти единственная надежда предотвратить войну.

– Сэр!

У спецназовца, который прервал их, щиток был поднят, и Купер, глядя на него, вспомнил, как молоды большинство из них.

– Тут все вычищено, – сказал парень. – Накопители серверов отсутствуют, установки аппаратуры стерты.

– А какие-нибудь записи?

– Нет, сэр. Но нам удалось проникнуть в систему безопасности. – Он помедлил. – Я не думаю, что разыскиваемый вернется.

Куин в раздумьях развернулся и подошел к экрану. Купер двинулся следом. На записи с камеры наблюдения все в лаборатории было в порядке, скамья стояла на своем месте, оборудование было целехонько. Судя по метке времени, запись была сделана полчаса назад. Наконец на нетвердых ногах появился доктор Каузен, скинул с себя запятнанную кровью одежду. Вид у него был размочаленный, но он не обращал на это внимания – доставая сэндвич из холодильника, не заметил, что он не один.

Впрочем, если бы и заметил, это ничего бы не изменило.

– Да чтоб тебя! – воскликнул Куин, уставившись на экран. – Кого мы видим...

Из спальни вышел Джон Смит, а с ним мужчина и женщина, которых Купер узнал. Да и как было не узнать: у него все еще был ордер от ДАР на убийство обоих. Харуто Ямато и Чарли Герр. Сверходаренные первого уровня, разыскиваемые за многочисленные устрашения и убийства.

Видимо, Эйб что-то услышал, потому что развернулся. Долю секунды они смотрели друг на друга, потом Эйб бросил сэндвич и пустился наутек. Он преодолел половину расстояния до двери, когда вдруг перед ним появился какой-то громила и заблокировал ему путь к выходу.

– Пол Йорк, – сказал Куин, не отрывая глаз от экрана. – Взрывал вербовочные центры в Калифорнии.

«Три известных террориста, не считая самого Смита. Многовато для одного ученого».

И сразу же следующая мысль: «Смит никогда ничего не делает, не просчитав все возможности».

Три бойца окружили Эйба, который рядом с ними казался хрупким – впалая грудь, груз лет за плечами.

Но хрупким он казался до того мгновения, пока не перевернул одну из скамей с такой силой, что она приподнялась над полом и ударила Герр. Тем же движением он извлек из воздуха скальпель и с разворота всадил его в грудь Йорка. Алая струйка хлынула на скамью, на пол и на ближайшую стену. Здоровяк пошатнулся, его повело назад, и тогда Эйб повернулся к Ямато, который увернулся от падающей аппаратуры и принял боевую стойку. Глаза Ямато были закрыты, но его руки мелькали с головокружительной скоростью, блокируя и отражая град ударов доктора...

Джон Смит поднял миниатюрный пистолет и нажал на спусковой крючок. Руки Эйба вспорхнули к шее, прикоснулись к крохотной стрелке, торчащей из кожи.

И он упал.

На видео без каких-либо команд Смита все тут же взялись за дело. Йорк залил свою рану на груди пенистым спреем, а Ямато начал связывать Эйба Каузена. Чарли Герр, откинув назад волосы, принялась манипулировать компьютерами, разбирать, извлекать накопители. Джон Смит осматривался, стоя в центре лаборатории и медленно поворачиваясь. Когда он увидел камеру наблюдения, на его губах расцвела улыбка. Они с Купером взирали друг на друга, и если их что и разделяло, то время, а не расстояние.

Потом Джон Смит послал ему воздушный поцелуй.

Несколько мгновений Купер не мог ни говорить, ни дышать. Руки у него тряслись, а в ушах шумело так, как не шумит просто от тока крови. Он даже не отдавал себе отчета в том, что шелохнулся, когда Куин сказал:

– Ты где...

– Тут рядом есть бар.

* * *

Вообще-то, Купер не думал, что бурбон ему поможет. И пока что находил подтверждение своей правоте, но настойчивость он относил к добродетелям. Рядом с ним Куин попивал содовую. С нескрываемой завистью поглядывая на стакан Купера, он спросил:

– И что теперь?

– Теперь я закажу себе еще.

Купер допил остатки бурбона и показал пустой стакан бармену.

– Я имел в виду... – начал Куин.

– Я знаю, что ты имел в виду.

На пыльные бутылки падал неоновый свет. Купер потер глаза и сказал:

– Три недели назад Джон Смит был у нас в руках, мы приставили ему пистолет к голове, но решили «поступить правильно». А должны были убить.

– Три недели назад все было по-другому. Забавный мир, как думаешь?

– Уморительный.

Подошел бармен, стал наполнять стакан Купера, и они замолчали. Купер дождался, когда бармен отойдет, пригубил бурбон и спросил:

– У тебя что за игра со Смитом?

– Никакой игры.

– Ты позволишь ему уйти?

– Весь мир горит, а вода в дефиците, – пожал плечами Куин. – Смит семь лет избегал ареста. Нет никаких оснований считать, что теперь что-то изменится. И потом, его фигура утратила прежнюю приоритетность.

– То есть?

Куин посмотрел на него дурашливым взглядом:

– Может быть, ты уже слышал новость? О том, что взорван один большой белый домик.

– Проблема не в Эрике Эпштейне. И не в Новой Земле Обетованной.

– Многие покойники возразили бы тебе.

– То была самозащита, – сказал Купер. – Если школьный хулиган постоянно тебя задирает, то недостаточно обменяться с ним ударами. Нужно его уложить и отмутузить. Показать всем, что задирать тебя небезопасно.

– Так, значит, в твоём сравнении Америка – школьный хулиган? – натянуто спросил Куин.

– Я хочу сказать, что Эпштейн остановился. А мог ведь и не останавливаться. Он мог нанести ракетные удары по всем военным базам, забросать все атомными бомбами. Но он продемонстрировал сдержанность.

Костяшки пальцев Куина на стакане побелели. Он долго молчал. А когда заговорил, голос его срывался.

– Не могу разглядеть этого конкретного оттенка серого. И мой прежний напарник тоже не смог бы.

Куин был прав. Прежний Купер выбил бы зубы теперешнему.

«Какие изменения могут произойти за год!»

– Ты не был в НЗО, – тихо сказал Купер. – Все говорят о них как об армии слюнявых насильников. Но на самом деле, Бобби, они только мальчики и девочки. Горстка умнейших мальчиков и девочек, которые собрались в пустыне, чтобы построить новый мир, потому что они боятся старого. И у них есть все основания для опасений. Ты помнишь?

Куин уже собирался ответить, но последнее слово застало его врасплох. Купер увидел, что его напарник задумался обо всем, что им стало известно: злоупотребление властью теми, кто должен был использовать ее для защиты. Приказ президента убивать собственных граждан. Взрыв биржи, подготовленный кем-то в правительстве, и перекладывание вины на Джона Смита. Планы микрочипировать всех аномальных. Академии, где промывают мозги детям. Все то, что делали обычные люди не из-за своей одержимости злом, а из такого же чувства страха.

– Может быть, ты и прав, – сказал Куин, – но они напали на нас. Они убили нашего президента и наших военных.

– Что бы там ни говорили американские власти в последние пятьдесят лет, но политика «Они нанесли удар по нам, и мы им ответили» – никакая не военная стратегия. Меня учили, что победоносные войны развязываются ради получения большой выгоды. В чем выгода в данной ситуации? Хотел бы я знать. Как должна выглядеть победа? Сровнять Вайоминг с землей? Убить всех сверходаренных?

– Ну его к дьяволу, – вздохнул Куин, взял свой стакан с содовой и помахал бармену: – Налейте-ка мне чего покрепче.

Получив стакан с виски, он сказал:

– Ну хорошо, убедил. Но объясни мне, почему я должен ловить Смита.

– Из-за Каузена. Ты знаешь, что он принял сыворотку собственного изготовления? Стал мозганом.

– Сообразил сегодня утром, – ответил Куин. – Иного объяснения его бойцовским способностям и быть не может. Но что дальше?

– По предположению Итана, его сыворотка не просто обращает людей в аномальных. Она делает их сверходаренными в высшей степени, наделенными всеми возможными способностями.

– По-твоему, Смит хочет сам стать таким? Выпить волшебного зелья, купить геройский плащ и превратиться в суперзлодея?

– Нет, – мотнул головой Купер. – Итан сказал, что их сыворотка не оказывает никакого воздействия на сверходаренных, что объясняется имеющейся у аномальных эпигенетической

структурой. Он пытался объяснить, но я от этой науки дурею. Суть в том, что сыворотка действует только на обычных людей.

– И в чем же смысл? – недоуменно пожал плечами Куин. – ДАР исходит из того, что доступ к сверхдаренности для всех ослабит напряжение в обществе, а не усилит его. Если все смогут становиться аномальными, то поводов для опасений станет меньше. А это вовсе не играет на руку Смит. Может быть, он просто хочет уничтожить сыворотку раз и навсегда?

– Ни в коем случае. Он лично пришел за ней. А если он подставляется таким образом, этому есть одна причина: он предчувствует скорую победу. И работа Каузена крайне важна для его цели.

– Почему?

– Не знаю, – вздохнул Купер, потирая глаза.

– Ты не знаешь.

– Не знаю пока. Но я прав. Это Джон Смит. Он не ведет азартную игру – он планирует. Он эквивалент эйнштейновского ума в области стратегии, ты не забыл?

– Ох, старина, мне кажется, ты потерял перспективу. Джон Смит – козел, но у него, может быть – может быть, – тысячи две преданных последователей. Я просто не понимаю, как он может взять верх над тремястами миллионами американцев.

– Речь же не идет о генеральном сражении. Ты посмотри, чего сумели достичь «Дети Дарвина». А они лишь крохотное ответвление его организации, их всего-то человек тридцать. Но им удалось заблокировать три города, разрушить систему поставок и натравить обычных людей друг на друга. Цивилизация – вещь хрупкая. Сейчас возобновились поставки в Талсу и Фресно, но Кливленд сгорел дотла. А это всего лишь один из этапов большого плана Смита.

Куин допил виски и поставил стакан на стойку. Несколько секунд они сидели в тишине, нарушаемой только постукиванием бильярдных шаров и бормотанием трехмерного телевизора. Куин всегда был планировщиком Купера, стратегом рядом с ним, тактиком, и сейчас Купер давал ему возможность подумать.

Наконец Куин сказал:

– Теперь для того, чтобы хаос воцарился, нужен лишь небольшой толчок. Люди запасаются едой, бегут из городов. А на носу зима.

– Что бы ни надумал Смит, воплощение в жизнь его планов лишь усугубит ситуацию. Неразбериха и беспорядки – его любимое оружие. Он хочет, чтобы страна погрузилась в хаос. Хочет, чтобы каждый район стал независимым государством. В открытом бою против нас у него нет шансов, но если ситуация ухудшится, если начнется мародерство, беспорядки, сепаратизм, массовый голод, эпидемии, появятся полевые командиры...

– Тогда ему и не нужно будет генерального сражения. Он будет идти к цели поэтапно. – Куин издал звук, не похожий на смех. – Даже если ты прав, то ДАР ничего с этим не может поделать. Мы с удовольствием пристрелим Смита, если он попадет в перекрестье прицела, но весь департамент – да вся страна, черт побери, – не видит иного врага, кроме НЗО. Как я уже сказал, пожар охватил весь мир.

– Я знаю, – сказал Купер. – Но мне, возможно, понадобится твоя помощь.

– В чем?

– Закончить то, что я начал. – Он поставил стакан на стойку и поднялся. – Я должен найти Джона Смита. И убить его.

Дорогие товарищи!

Мы, продолжая демонстрировать боевой дух и мощь великой Корейской Народной Республики в нашем неуклонном движении к неминуемому свету блистательной победы, предлагаем послание надежды угнетенным суперменам мира.

В темноте обрушившихся систем, в которых вы родились, ваша одаренность использовалась против вас, как это происходит всегда, если собаки правят тиграми. И потому именно в коррумпированных странах величие души и цели унижаются, посягаются и презираются.

И потому я передаю полное любви приглашение тем, кто всего лишь хочет жить в солнечных лучах революции. Приезжайте к нам, наши одаренные друзья, приезжайте к нам, наши блестящие соратники. Приезжайте домой к вашему народу, который живет с чистыми помыслами и ясными целями.

Настало время открыть давнюю тайну: Корейская Народная Республика состоит исключительно из сверходаренных. Каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребенок здесь наделены исключительными способностями. И в самом деле, именно благодаря мудрой, доброжелательной и самоотверженной борьбе нашей партии на свет появились так называемые аномальные, разработанные нашими учеными, которые идут во главе прогресса и являются одной из многих причин, почему наша замечательная страна светит в мире, как маяк.

Мы приглашаем наших сестер и братьев отвергнуть обанкротившиеся методы их коррумпированных хозяев и вернуться домой, чтобы присоединиться к нашему маршу в будущее по дороге судьбы. Прекрасное настоящее нашего народа может стать ярким процветающим будущим для всех на пути нашего бессмертного народа к вечности...

Извлечения из произнесенной 3 декабря речи Верховного Вождя Ким Йонг Уна, Первого Секретаря Рабочей Партии Кореи, Первого Председателя Национальной Комиссии по Обороне Корейской Народной Республики и Верховного Главнокомандующего Корейской Народной Армии

Глава 8

Хотя Оуэн Лиги пришел в политику из разведки, он никогда не был полевым агентом, и его образ рыцаря плаща и кинжала стал тускнеть.

Он покинул Кэмп-Дэвид ни свет ни заря, единственный пассажир на транспортном самолете, набитом ящиками с медицинским оборудованием. Приземлившись в Денвере, он уселся на заднее сиденье гражданской «хонды».

Машину вели агенты Секретной службы, а Лиги следующие часы провел, читая под одеялом, как подросток, которому положено в это время спать. В Шайенне агенты остановились посреди автомобильной мойки и провели его мимо шлангов, из которых текли струйки воды, в прибранную комнату ожидания.

Он прихлебывал прогорклый кофе, а энергичная молодая женщина полчаса гримировала его: наложила какую-то похрустывающую резиноподобную пасту, после чего он стал выглядеть на пятнадцать лет моложе, тени для углубления глаз, пудру для придания коже темного оттенка, приклеила аккуратные усики. Закончила она, надев на него бейсбольную кепку, и отошла на два шага, чтобы со стороны оценить свою работу.

– Как я выгляжу? – спросил Лиги.

Говорить ему было больно, но он считал, что должен быть признателен: он откусил себе целый сантиметр передней части языка во время атаки на президента Рамирес. Президентская медицинская команда продемонстрировала мастерство, благодаря которому он вообще мог говорить.

– Вид незапоминающийся, – сказала женщина. – Сейчас будет ваш двойник, сэр.

За близнецов их бы вряд ли кто принял, но по сложению и одежде они были неотличимы.

Лиги взял ключи и направился к ожидающему его пикапу. Судя по внешности женщины на пассажирском сиденье, ей перевалило за шестьдесят, но легкость ее движений опровергала это – она обладала грацией профессионального спортсмена, а в ногах у нее лежал автомат. Она была абсолютно непримечательной, и он лишь порадовался, что поездка до Ролинса, штат Вайоминг, займет всего час.

Как бы ни выматывали эти меры предосторожности, они были совершенно необходимы. Один Господь Бог мог знать, что бы случилось, если бы Эрику Эпштейну стало известно о встрече министра обороны Соединенных Штатов с виджилантами, разбившими лагерь у ворот Новой Земли Обетованной.

Когда они добрались до места, уже смеркалось. Лиги знал, что Миллер приступил к структурированию виджилантов, объединял и вдохновлял людей. Но одно дело просматривать спутниковые изображения, а другое – проехать по лагерю. Он увидел полностью экипированный палаточный город со многими тысячами обитателей. Фанерные щитки с надписями от руки указывали на расположение блока бытового обслуживания, столовой, тренировочных площадок. Надпись на простыне, натянутой между двумя пикапами, гласила: «НОВО-ПРИБЫВШИЕ». Стрелочка под надписью указывала на восток, где стояла большая открытая палатка. Лагерь кишмя кишел людьми – они обустроивались, разговаривали, тренировались, и каждый час прибывали новые. Здесь, конечно, собрались почти одни мужчины, но в диапазоне от крутых ребят в кожаных куртках до жителей пригородов в пуховиках. И все при оружии.

«Эпштейн посеял ветер, а теперь пожнет бурю», – подумал Лиги.

Следом за этой мыслью появилась еще одна: «То же самое можно сказать и о тебе».

Когда он отдавал приказ атаковать лагерь Эпштейна, намерения его отличались простой: вынудить президента действовать в ответ на все возрастающую угрозу со стороны анархических. Он хотел маленькую победоносную войну, которой легко управлять и после которой

мир станет стабильнее. Мир, где сверходаренные будут цениться, но и где их будут контролировать. Нет, сам он их не ненавидел. Просто собственных внуков любил больше.

Конечно, события стали развиваться не так, как он планировал. Цель состояла в том, чтобы подчинить аномальных, а не уничтожить их. Но после бойни в пустыне и разрушения Белого дома... что уж тут говорить. Его маленькая победоносная война грозила теперь поглотить всю страну. Большинство хотело, чтобы армия прикрепила штыки к автоматам и пошла в бой.

А это обернулось бы катастрофой. Причин тому имелось множество сложных и одна простая: именно аномальным мир был обязан многочисленными достижениями последних десяти лет. Уничтожить большинство американских сверходаренных было равносильно выстрелу в голову американскому народу.

«Время еще есть. Ты имеешь возможность развернуть ситуацию в обратную сторону. Эта армия оборванцев тебе поможет».

Лиги лениво обдумывал, что им делать с санитарными условиями, ведь, вообще-то, пятнадцать тысяч человек производят немало экскрементов.

* * *

– Сэр, какой сюрприз – сам министр обороны, – сказал генерал.

На нем была запыленная полевая форма, под ногтями грязь, а из нагрудного кармана рубашки торчали очки. Следом шел еще один военный, лет пятидесяти, стройный, с глазами убийцы.

– Сэм, давайте без лишних церемоний. Просто Оуэн, – протянул руку Лиги.

Рукопожатие Миллера было, как всегда, твердым.

– Лук Хаммонд. Мой второй номер, – представил он спутника.

Хаммонд кивнул, ничего не сказав. Он беззвучно прошел по палатке и занял место у дальней стены. Палатка имела адаптивный камуфляж, и за его спиной пришел в движение рисунок ткани с вкраплениями нанороботов.

– Я видел попытку покушения по телевизору, – сказал Миллер. – Скоординированная атака?

– Трое человек, – кивнул Лиги, – все аномальные. Две штурмовые винтовки и один гранатомет. Секретная служба их уложила.

– С вами все в порядке?

– Откусил кончик языка. Нарастили трансплантацией ткани. Новые технологии: выращивают в пробирке мышцы из стволовых клеток. Боль адская. Доктор сказал, мне еще повезло – не повлияло на речь. – Лиги помолчал. – Такое ранение означало бы конец карьеры. Никому не нужен шепелявый министр обороны.

Миллер чуть улыбнулся, но не рассмеялся.

– А президент? – спросил он.

– Порезы, синяки и благодарность за советы в области безопасности. Она перевела свой офис в Кэмп-Дэвид.

– Хорошо.

Самюэль Миллер по-прежнему держался как двухзвездный генерал. Как человек, привыкший нести на своих плечах груз ответственности.

– Значит, насколько я понимаю, сегодняшнего разговора между нами не было, – сказал он.

– Ценю ваше понимание.

– А я ценю ваше уважение – вы приехали сюда лично. Но вы должны знать, что мы – люди убежденные. – Миллер поднял руку, не давая Лиги ответить. – Мы – гражданская организация

на земле, принадлежащей частному лицу. Если ближе к делу, нас здесь почти пятнадцать тысяч и каждый день прибывают новые. Простые мужчины и женщины, которые хотят сражаться за свою страну, даже если это означает неподчинение президенту. И мы не отступим. Если вы захотите избавиться от нас, вам придется прислать сюда армию.

– У вас, Сэм, сложилось неверное представление. Я здесь не для того, чтобы просить вас разоружить вашу армию.

Брезент палатки волновался и хлопал в пасти западного ветра.

– Я здесь для того, чтобы просить вас воспользоваться ею, – закончил Лиги.

* * *

– Мы можем весь день рассуждать о демократической нравственности и доктрине применения силы, – сказал Лиги. – О политическом климате, влиянии прессы, плюсах и минусах необъявленной войны. Но в сухом остатке речь идет о том, что иногда для защиты Америки необходимо так делать дела, чтобы в них не просматривалось участие правительства. И вот сейчас перед нами такой случай. Независимо от личных чувств кого бы то ни было к аномальным или Эрику Эпштейну, Новая Земля Обетованная несет в себе прямую угрозу безопасности Америки.

– Понимаю, – неторопливо кивнул Миллер. – Вам нужны кошачьи лапки.

– Как и всегда, Америке требуются солдаты, которые сделают то, что нужно для ее защиты, – сказал Лиги.

– И к тому же обеспечат возможность правдоподобного отрицания, – добавил Лук Хаммонд.

Лиги почти забыл о его присутствии – Лук за все время разговора пока не проронил ни звука.

– Это не политический маневр, – мотнул подбородком Лиги, – а практический. Если атаковать силами армии США, Эрик Эпштейн использует все имеющиеся у него в наличии средства для нанесения ответного удара. Мы принимаем меры для ограничения ущерба, но за последние пятьдесят лет страна впала в такую зависимость от технологий, что не может защитить себя от НЗО. Компьютеры регулируют все – вплоть до управления канализацией. Любая победа станет пирровой. Если мы не хотим вернуться к аграрному обществу на лошадиной тяге, то должны понимать, что аномальные могут нанести нам слишком большой ущерб. Но виджиланты, действующие без санкции правительства, способны добиться успеха, не доводя противостояние до такого уровня.

– И какую поддержку вы нам предлагаете?

– Никакой.

– Никакой?

– Ни оборудования, ни войск, ни советников, ни разведданных, ни воздушной поддержки. Между нами не должно быть никакой связи. Да что говорить, я предполагаю, президент осудит любую атаку на Новую Землю Обетованную и прикажет вам сложить оружие. А когда вы откажетесь, она прикажет армии остановить вас.

Хаммонд и Миллер переглянулись.

– В таком случае... – начал генерал.

– Но армия не станет этого делать, – прервал его Лиги и выдержал паузу, чтобы собеседник переварил услышанное.

Издалека до них донеслись звуки выстрелов: равномерные, организованные хлопки со стрелкового полигона.

– Военные не будут вмешиваться, – пообещал министр. – Вот что я вам предлагаю.

Миллер почесал подбородок. Хаммонд смотрел перед собой глазами убийцы. Наконец генерал сказал:

– Оуэн, то, что вы предлагаете, похоже на государственный переворот.

– Нет. Военные не собираются захватывать власть. И я тоже. В этом-то и суть. Мы вас не остановим, потому что у нас не будет такой возможности.

– Растехнологизация, – сказал Миллер.

Лиги кивнул:

– Президент Рамирес приказала перевести все дислоцированные внутри страны вооруженные силы на нетехнологический уровень, практически на штыки и сапоги. Я руковожу процессом и могу вам гарантировать, что вы докажете нашу неспособность к военным действиям, несмотря на все наше желание исполнить приказ президента. У нас просто не будет для этого сил. А если мы снова вооружимся, то опять дадим Эпштейну те же возможности, которыми он воспользовался две недели назад.

– А идти на такой риск нельзя, – согласился Миллер. – Но сегодняшняя ситуация не может продолжаться долго.

– Понимаю. Я исхожу из того, Сэм, что вы будете действовать быстро. В таком случае армия без всякого обмана сможет утверждать, что бессильна. Что, несмотря на справедливый гнев президента, предыдущая атака Эпштейна доказывает: мы не собираемся вмешиваться.

– Но что может помешать ему в любом случае предпринять отчаянную попытку нанести ответный удар? – спросил Лук Хаммонд, подавшись вперед. – Если он увидит, что НЗО гибнет, то почему бы ему не забрать с собой всю остальную страну?

– Две причины. Во-первых, нужно быть первостатейным социопатом, чтобы атаковать невинных граждан по всей стране, если они не атакуют его... если на самом деле его поддерживают. У Эпштейна много недостатков, но он не монстр. Во-вторых, НЗО не будет уничтожена полностью. Ваша армия не сможет преодолеть Кольцо Воглера. По крайней мере, без военной поддержки, и Эпштейн это знает.

– Тогда какой смысл во всей операции? Вы просите нас вести войну, которую, как вы сами утверждаете, мы не можем выиграть.

– Геноцид не есть выигрыш, – сказал Лиги. – Бог ты мой, дружище, неужели вы думаете, что я хочу уничтожить всю Обетованную? Моя цель состоит в том, чтобы поставить Эпштейна на колени.

– Такова ваша цель, – заявил Хаммонд. – Но не наша. Что в вашей цели есть для нас?

– Возмездие. Ваша армия наносит удар возмездия, которого все мы отчаянно желаем. Задайте хорошую трепку НЗО, покажите сверходаренным, что каждое действие имеет последствия. И попутно вы защитите Америку. Разве не этому вы посвятили всю жизнь?

Хаммонд собрался ответить, но Миллер, подняв руку, остановил его и спросил:

– А конечная цель?

«Маленькая победоносная война. И будущее для моих внуков», – подумал про себя Лиги, а вслух сказал:

– Мир. Что же еще?

Глава 9

– ...и я говорю, что они не могут безнаказанно убивать наших братьев. Они не могут безнаказанно убивать наших руководителей. Мы дадим им ответ.

Человек, прямой, как жердь, и с огнем в глазах, расхаживал по крыше автобуса, на боку которого был нарисован орел и написано: «НОВЫЕ СЫНОВЬЯ СВОБОДЫ». Автобус стоял среди людского моря, все они не умещались на экране. Ползущая строка внизу называла оратора: Сэм Миллер, генерал-майор армии США в отставке.

– Двести пятьдесят лет назад против тирании поднялась небольшая группа людей, хотя им противостояла самая мощная армия того времени, а они были фермерами, лавочниками и банкирами. Они были обычными мужчинами и женщинами, которые сказали: «Хватит. Мы положим этому конец». Они встали как один и изменили мир. Сегодня наши враги не отделены от нас океаном, они не коммунисты и не чужестранные короли. Современные враги Америки выросли в наших домах. Они ели нашу еду, ходили в наши школы, молились в наших церквях. А потом, когда им взбрело в голову, атаковали нас самым трусливым образом. Им даже не хватило смелости вступить с нами в открытую схватку. Они убивали с помощью компьютера.

Последнее слово было произнесено с отвращением, и толпа ответила оратору осуждающим гулом, относящимся к этому слову, и одобрительными выкриками касательно речи в целом.

– Нет, – сказал он, когда слушатели успокоились. – Сегодняшние враги Америки не по другую сторону океана. Они в самом сердце нашей великой страны. Восемьдесят семь квадратных миль, – он показал себе за спину, – в той стороне, в городе Тесла. Оттуда террористы предприняли атаку, в которой прямо у нас на глазах погибли наши сыновья и дочери. Люди при власти убеждают нас не обращать внимания на предательский удар. Подставить другую щеку. Простить тех, кто похитил не только нашу землю, но и наше будущее. И мы стоим перед выбором. Лечь и смотреть, как зачахнет и умрет мечта под названием Америка. Или воспротивиться, как патриоты в старину.

Только не заблуждайтесь на сей счет. Если вы пойдете со мной, то слабаки во власти обрушатся на вас. Если вы пойдете со мной, то, возможно, прольете свою кровь. Если вы пойдете со мной, вам, может быть, придется отдать свою жизнь.

Но в истории, которую будут изучать дети наших внуков, этот день будет запечатлен навсегда. Он будет запечатлен навсегда, как день, когда Америка погрузилась во тьму, или же как блестящее мгновение, когда группа простых людей, фермеров, лавочников и банкиров, поднялась и сказала: «Хватит. Мы положим этому конец».

Миллер в ожидании опустил микрофон.

Началось с первых рядов:

– Мы положим этому конец.

– Мы положим этому конец! – подхватили стоявшие сзади.

И наконец вся толпа в один голос принялась скандировать:

– Мы! Положим! Этому! Конец!

Мы! Положим! Этому! КОНЕЦ!

МЫ! ПОЛОЖИМ! ЭТОМУ! КОНЕЦ!

Миллер стоял неподвижно среди накатывающих волн звука, смотрел на свою армию, а потом в идеально четком салюте щелкнул каблуками и приложил два пальца к виску.

Перед камерой появился репортер в походном облачении и с серьезным выражением сказал:

– Отставной двухзвездный генерал Самюэль Миллер обращается к толпе, собравшейся близ Новой Земли Обетованной и за две недели выросшей до двадцати тысяч. Поддержка

Новых Сыновей Свободы нарастает, помощь поступает как от рядовых жертвователей, так и от миллионеров вроде Райана Лучши, основателя и генерального директора национальной сети продуктовых магазинов «Лучшие продукты»...

Купер свернул планшетник и протер глаза. Вертолет был гражданским, более тихим и менее дерганным, чем те, к которым он привык, но Итан Парк на соседнем сиденье явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– И мы летим туда?

– Это то, над чем пролетаем. Миллер забыл сообщить, что эти восемьдесят миль заселены, защищены и обнесены здоровенным забором.

Путь до НЗО занял больше, чем хотелось бы Куперу. Были времена, когда Эпштейн высылал за ним реактивный самолет. Но в сложившихся обстоятельствах на путешествие потребовалось два дня, две машины, поезд, а теперь еще и вертолет.

– И все же... Вы уверены, что там самое безопасное место?

– Откровенно говоря, док, я даже не понимаю, что сегодня означает ваш вопрос.

– Он означает, черт бы вас побрал, что вы убедили меня перевести туда мою семью. Он означает, что моя жена и четырехмесячная дочь сейчас на другом вертолете летят туда, где, судя по всему, происходят военные действия.

– Вы бы чувствовали себя в большей безопасности на Манхэттене? – спросил Купер, смерив его взглядом. – Убедить Бобби Куина отпустить вас со мной – знаете, чего мне это стоило? Да я теперь его должник до гробовой доски. А если бы он знал, куда мы направляемся, то он бы вас ни за что не отпустил. Или вы предпочитаете, чтобы за вами охотился ДАР? Я уж не говорю про Джона Смита.

– Нет, – выдохнул Итан. – Просто я... я никогда не подписывался на участие в войне.

– Это вас не спасает, когда кругом падают бомбы.

Вертолет стал делать поворот, и в иллюминаторе Купер увидел зеркальный город Теслу. На полуденном солнце сверкало солнцезащитное стекло.

– Единственный выход – участие, – сказал он. – Вы помогли Эйбу найти способ делать людей сверходаренными. Пройдите тот путь еще раз, и тогда генерал Миллер с его бандой для нас не проблема.

Тесла за стеклом иллюминатора увеличивалась в размерах. Город представлял собой аккуратную решетку вокруг скопления сверкающих прямоугольных зданий – корпоративного сердца империи Эрика Эпштейна. Более трехсот миллиардов долларов в активах самых разнообразных бизнесов. Богатство как живое существо, богатство, которое росло, видоизменялось, мигрировало, которое укреплялось за счет более мелких компаний, – и не было таких граней американской жизни, куда бы не дотянулись его щупальца. Трудно было переоценить возможности такой громадной суммы, она превышала рыночную капитализацию «Макдоналдса» и «Кока-колы», вместе взятых, она стала фундаментом для построения нового Израиля в сердце американской пустыни. Места, где сверходаренные могли жить и работать без страха.

По крайней мере, таков был замысел. Купер полагал, что состояние дел обусловило некоторые корректировки.

Посадочная полоса была ему знакома. Он приземлялся здесь дважды. Первый раз – вместе с Шеннон в планере, когда работал под прикрытием и они водили друг друга за нос, а второй – несколько недель назад с дипломатической миссией на борту лайнера, принадлежащего правительству.

«И вот ты снова здесь. Уже не агент и не политик – что-то иное».

Как только шасси коснулось земли, Купер начал отстегивать ремень безопасности. Он не был уверен, что его послание дошло, но если дошло, то его должны встретить...

– И что теперь? Мы с вами попрощаемся? – спросил Итан.

– На какое-то время, – задумчиво произнес Купер, продолжая смотреть в иллюминатор.

– Ну, тогда... я так еще и не поблагодарил вас.

Торжественный тон собеседника вернул Купера к действительности, он повернулся и увидел, что Итан протягивает ему руку.

– Спасибо. Вы спасли мою семью, – сказал Итан. – Я в долгу перед вами.

– Не стоит того.

– Откровенно говоря, у меня такое чувство, что весь мир в долгу перед вами.

Это неожиданное и, возможно, преувеличенное проявление чувств тронуло Купера.

– Спасибо, док, – пожал он протянутую руку. – Вы держались молодцом.

Они простояли так несколько мгновений в рукопожатии, и сердце Купера наполнилось теплотой – ему всегда становилось тепло, когда он видел проявления верности и духа товарищества. Это чувство наполняло его гордостью все те годы, что он был солдатом.

Открылась дверь, и в проеме Купер заметил три бегущие к нему фигуры. Он спрыгнул на посадочную полосу и побежал им навстречу, схватил сына и дочь, прижал к груди. Все они смеялись, плакали и ликовали, словно обрели последнее безопасное место на земле. Он так прижимал к себе детей, что боялся, как бы не сломать им косточки. Кейт цеплялась за него, Тодд повторял: «Папа, папа, папа!» – и похлопывал его по спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.